

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ДИН КУНЦ

МИСТЕРИУМ

Дин Рэй Кунц

Мистериум

Серия «The Big Book»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66549396
Дин Кунц. Мистериум: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2021
ISBN 978-5-389-20233-7

Аннотация

Вуди Букмен, прожив одиннадцать лет, ни разу не произнес ни слова. Даже когда отец погиб при крушении вертолета. Даже когда мать, Меган, сказала сыну, что любит его больше всего на свете. Вуди уверен, что за гибелью отца стоит зло – чудовищное, непримиримое, беспощадное – и это зло угрожает теперь и ему, и матери. Не у него одного подобные ощущения. Неизвестный ему союзник слушает мысли мальчика. Кипп, собака, наделенная разумом и преданная до самоотвержения людям, слышит Вуди и понимает, что, пока еще не поздно, надо его найти.

Самые жуткие подозрения мальчика обретают форму. Человек, движимый изощренным злом, идет след в след за Вуди и его матерью. И этот человек не один. И только сила, более мощная, чем само зло, способна предотвратить трагедию...

Роман публикуется на русском впервые!

Содержание

Темнее тьмы

7

Конец ознакомительного фрагмента.

135

Дин Кунц

Мистериум

Dean Koontz

DEVOTED

Copyright © 2020 by the Koontz Living Trust

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

В восемь лет Дин Кунц писал свои сочинения от руки, делал к ним цветные обложки и продавал соседям. Первый его роман «Star Quest» (в русском переводе «Мутанты») был издан в 1968 году.

Начав с традиционной фантастики с вкраплением элементов хоррора, после 1975 года Кунц пишет исключительно хоррор. На сегодняшний день у писателя выпущено более 90 произведений, переведенных на 38 языков мира и изданных тиражом 450 миллионов экземпляров.

Многие романы Кунца были экранизированы. Критики нередко ставят писателя в один ряд со Стивеном Кингом и Питером Страубом.

* * *

Блистательная полусказка-полуреальность...
сложная, напряженная, захватывающая.
Associated Press

Через страницу ожидаешь чего-то... И автор оправдывает твои ожидания.
The Washington Post

Не знаешь, что будет дальше. Такие резкие повороты сюжета, от которых перехватывает дыхание.
The Philadelphia Inquirer

* * *

*Посвящается Джо Макнили.
Среди его многочисленных достоинств –
способность смеяться над собой вместе с нами.
С ним мир становится лучше*

* * *

Все знания, совокупность всех вопросов и всех ответов заключены в собаке.

Франц Кафка

Мы одиноки, абсолютно одиноки на этой случайной планете, и среди всех форм окружающей нас жизни никто, кроме собак, не заключил союза с нами.

Морис Метерлинк

Если вы подберете голодного пса и устроите ему хорошую жизнь, он вас не укусит. В этом принципиальное отличие собаки от человека.

Марк Твен

Собака – единственное существо на Земле, которое любит вас больше, чем себя.

Джош Биллингс

Темнее тьмы

Вторник, 16:00 – среда, 17:00

1

С момента катастрофы прошло три года. Сердце и разум Меган Букмен пришли в спокойное состояние, хотя временами ее охватывала тревога; возникало чувство, что время уходит и под нею вот-вот разверзнется бездна. Это было не вспышкой озарения, а просто следствием того, что она овдовела в тридцать лет. У нее внезапно отняли все: любовь, которая, как она думала, будет длиться вечно, мужчину, который, как она верила, состарится вместе с ней. Это нынешнее ощущение, что где-то колокола отбивают ее последний час, пройдет; оно всегда проходило.

Она стояла у двери комнаты своего единственного сына и смотрела на него. Сын сидел за компьютером, возле которого стояла уйма дополнительных устройств, погруженный в исследование того, что сейчас занимало его ум.

Сына Меган звали Вудро, но все называли его Вуди. За одиннадцать лет жизни Вуди Букмен не произнес ни слова. Младенцем и в первые годы жизни он плакал, но после четырех лет перестал. Он смеялся – правда, редко, – услышав

или увидев что-то смешное. Причина его смеха часто оставалась тайной для его матери. Врачи диагностировали у Вуди редкую форму аутизма, хотя, по правде говоря, они просто не знали, что с ним делать.

К счастью, он не отличался непредсказуемыми выходками, характерными для аутистов. Вуди не был склонен к эмоциональным взрывам и не проявлял упрямства. Тем, кого он знал, он позволял дотрагиваться до себя; он не отстранялся и не испытывал ментального дискомфорта. Зато незнакомцы вызывали у него подозрение, а нередко и страх. Вуди внимательно слушал все, что ему говорили, и был, по крайней мере, так же послушен, как Меган в детстве.

В школу он не ходил. Домашнего обучения тоже не было. Вуди был исключительным самоучкой. На пятом году жизни он научился читать, а через три года уже читал на уровне студента колледжа.

Меган любила Вуди. Да и могла ли она его не любить? Ее сын был зачат в любви. Его сердце начало биться, когда он еще находился в ее чреве, и все эти годы билось в одном ритме с ее сердцем.

Внешностью он не уступал детишкам с картинок рекламы печенья и был по-своему ласковым. Хотя Вуди позволял обнимать и целовать себя, сам он никогда не обнимал и не целовал ее. Бывали неожиданные мгновения, когда он касался материнской руки или ее иссиня-черных волос, а затем своих таких же, как бы говоря, что знает, от кого унаследовал

эти волосы.

Вуди редко смотрел в глаза, а когда смотрел, в его глазах порою блестели непролитые слезы. Чтобы мать не подумала, будто ему грустно, он всегда одарял ее улыбкой, граничащей с усмешкой. Если Меган спрашивала: «Это слезы счастья?» – Вуди кивал. Однако он не мог или не хотел объяснять, что именно делает его счастливым.

Трудности в общении означали, что мать и сын не могут в полной мере делиться своими мыслями и впечатлениями, как того хотелось бы Меган, и это являлось постоянным источником ее печали. Сын тысячу раз разбивал ей сердце, но своей мягкостью и нежностью тысячу раз его исцелял.

Меган ни на миг не пожалела, что Вуди не растет обычным, не страдающим аутизмом ребенком, поскольку тогда он был бы совсем другим. Она любила сына, несмотря на все трудности и превратности их совместного жизненного путешествия, а в какой-то мере – благодаря им.

– Вуди, у тебя все в порядке? – не переступая порога комнаты, спросила Меган. – Ты сам тоже в порядке?

Вуди сидел спиной к матери, целиком поглощенный общением с компьютером. Но, услышав материнский вопрос, он поднял правую руку. Его указательный палец тянулся к потолку. Меган давно знала, что этот жест означал «да» и мог переводиться как «Мама, я на луне».

– Хорошо. Сейчас восемь часов. В десять ложись спать.

Вуди покрутил поднятым указательным пальцем и тут же

опустил руку на клавиатуру.

2

Документ, над которым долгое время работал одиннадцатилетний Вуди Букмен, имел довольно длинное название: «Сыновняя месть: добросовестно собранные доказательства чудовищных злодеяний». Сохранив файл, он выключил компьютер и направился в примыкающую к его комнате ванную. Там он почистил зубы электрической зубной щеткой «Соникер», работающей на батарейках. Чистить зубы обычной щеткой ему не разрешалось, поскольку Вуди был настолько одержим чисткой собственных зубов, что мог драить их двадцать минут подряд. Результатом стало серьезное повреждение десен, и ему потребовалась трансплантация десенной ткани. В десять лет Вуди сделали челюстную операцию, дабы сохранить три нижних зуба слева.

Для таких операций пародонтологи использовали стерилизованные, дезинфицированные ткани, взятые у трупов. Три нижних зуба Вуди окружала чужая десенная ткань, доставшаяся ему от мертвеца, и новых операций он не хотел. Ткань неизвестного донора никак не беспокоила его и не вызывала странных побуждений. В мозгу Вуди не вставляли картины из жизни донора, и он не испытывал настойчиво-

го желанья кого-то съесть, как герои «Ходячих мертвецов»¹. Трансплантация не превратила его в зомби. Такие мысли были из разряда дурацких предрассудков.

Вуди было стыдно за людей, которые верили в дурацкие предрассудки. Ему также было стыдно за людей, которые сердились из-за мелочей, за людей, которые обзывали других, жестоко обращались с животными.

Многие люди по разным причинам заставляли его стыдиться за них.

Ему было стыдно и за себя, за то, что он представлял опасность для собственных зубов. У щетки «Соникер» имелся двухминутный таймер. И потом, она удаляла налет с зубов не щетиной, а звуковыми волнами. Без таймера рот Вуди превратился бы в кладбище десен, где вместо надгробий торчали бы оголенные зубы.

Еще одной причиной его смущения было возникавшее иногда желание поцеловать девчонку. Вплоть до недавнего времени такая мысль вообще не приходила ему в голову. Поцелуй казался ему гадким занятием, при котором разбрызгивается слюна. Должно быть, с ним что-то не так, если у него возникают подобные желанья. И еще (ну вот опять) его смущало то, что, если он когда-нибудь спросит у девчонки разрешения ее поцеловать, он ни за что не расскажет ей про десенную ткань, доставшуюся ему от мертвеца, боясь, что

¹ Речь идет о героях комиксов и сериалов с одноименным названием. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

девчонку затошнит и она убежит. Умолчав, он солгал бы, и думать об этом было унижительно, поскольку ложь – главный источник всех человеческих страданий. Слово «унижение» можно определить как болезненное ощущение, что тебя оскорбили, а это еще хуже, чем смущение.

Сколько он себя помнил, ему всегда было стыдно за себя и за других. Это было одной из причин, почему он не говорил. Если бы он осмелился заговорить, он бы подробно рассказал людям о том, какие их поступки смущают его, а затем рассказал бы о том, что смущает его в самом себе, а это был длинный список. Вуди казался себе сплошь состоящим из путаницы и противоречий. Так оно и было. Люди не желали слышать ни о его путанице и противоречиях, ни о своих собственных. Но не сказать им об этом означало бы соврать, смалодушничав, а мысль о вранье настолько унижала Вуди, что ему становилось тошно. Уж лучше молчать, не произнося ни слова, и тогда, быть может, ты понравишься людям. Если ты ничего не скажешь им о своей путанице и противоречиях, они, скорее всего, не заметят.

Одной из самых обескураживающих особенностей людей было то, насколько они лишены наблюдательности.

Почистив зубы, Вуди лег в кровать и погасил лампу на тумбочке. Темноты он не боялся. Никаких вампиров, оборотней, зомби и им подобных не существовало, а вероятность того, что в спальне появится мертвец-донор и потребует назад свою десенную ткань, равнялась нулю.

Единственными чудовищами были люди. Не все. Некоторые. Например, те, кто убил его отца. С момента отцовской смерти прошло три года, однако никого не обвинили в убийстве и не посадили в тюрьму. Все до сих пор считали его смерть результатом несчастного случая. Вуди был иного мнения. Сегодня он наконец-то завершил «Сыновнюю месть: добросовестно собранные доказательства чудовищных злодеяний», и теперь виновные ответят по закону.

Вуди был очень смышленным. С семи лет он читал на уровне студентов колледжа, хотя это вряд ли о чем-то говорило, поскольку многие выпускники колледжа ничего толком не знают. В свои одиннадцать Вуди был опытным хакером. За последние два года ему удалось проникнуть в тщательно защищенные компьютерные системы и наставить там рутки-тов. Теперь Вуди мог спокойно входить в их сети, а служба безопасности даже и не подозревала, что кто-то выуживает из электронных глубин секретные данные. Порою путешествия по Темной Паутине заводили его в странные места.

В ожидании сна Вуди заставлял себя думать о чем-нибудь приятном. Он в очередной раз испытал смущение, когда представил, как целует девчонку, фотографию которой видел в журнале. Вуди попытался задать мыслям иное направление, но не смог. Если когда-нибудь, через несколько лет, ему встретится девчонка с трансплантированными участками десен, у них будет что-то общее. Вуди целовали в щеку, в лоб, только не в губы, однако сам он никого не целовал.

Если ему встретится такая девчонка, быть может, с нею он научится целоваться.

3

От Дороти пахло смертью.

Ей было семьдесят шесть. Она знала, что на рассвете покинет этот мир.

Жестокая правда. Мир был прекрасным местом, но полным жестокой правды.

Большинство ночей своей долгой жизни Дороти провела в этой спальне. Сейчас рядом с нею находилась хосписная сиделка Роза Леон, жившая в доме Дороти и ухаживающая за ней.

От Розы пахло жизнью, шампунем с клубничным ароматом и мятными леденцами, которые она обожала.

В этой спальне Дороти и ее покойный муж Артур предавались любви и зачали своего единственного сына Джека.

Артур был бухгалтером. Он умер в шестьдесят семь лет. Джек погиб на войне в двадцать восемь. Родители пережили его на несколько десятков лет.

Потеря ребенка была главной трагедией жизни Дороти.

Но она гордилась Джеком; она не пала духом и упрямо продолжала вести достойную жизнь.

Кипп не знал ни Джека, ни Артура. Эти имена были ему знакомы лишь потому, что Дороти очень часто говорила о

них.

Роза сидела в кресле, читала роман в мягкой обложке и даже не подозревала, что Смерть приближается к ее хозяйке.

Сейчас Дороти спала. Снотворное избавляло ее от болей.

Когда Дороти мучилась от приступов боли, Кипп тоже страдал. Он жил у нее всего три года, но очень любил хозяйку.

Такова была его природа: любить без всякой причины.

Прежде чем настанет момент ее ухода, ему нужно собраться с духом, подготовиться к неминуемой потере.

Кипп спустился вниз, открыл собственную дверцу, устроенную в человеческой двери, и очутился на широкой террасе. Ему нужно было подышать свежим воздухом.

Дом стоял над озером Тахо, футах в двадцати от него. Мягко шуршал прилив. В волнах отражался остроконечный серп луны, порождая множество бликов на водной ряби.

Ветерок доносил богатое разнообразие запахов. Пахло сосновой иглой, кедром, дымом камина, мачтовым лесом, грибами, белками, енотами и многим другим.

Слышал Кипп и странный непрекращающийся шепот. Этот шепот появился совсем недавно.

Поначалу он решил, что это тиннитус – шум в ушах, от которого страдают некоторые люди, но шум в ушах был здесь ни при чем.

В этом неумолчном потоке он почти слышал слова. Поток шел откуда-то с запада. Точнее, с северо-запада.

После смерти Дороти Кипп обязательно займется поиском и найдет источник звука. Хорошо, что у него есть неотложное дело.

С террасы Кипп спустился во двор. Подняв голову, он смотрел на звезды и думал.

Хотя он был необычайно смышленным псом – насколько смышленным, знала только Дороти, – он не понимал, что все это значит.

Он не один такой. Все философы в человеческой истории, а они были несравненно мудрее его, не смогли создать теорию, которая удовлетворила бы всех.

Вскоре после его возвращения в спальню Дороти проснулась.

Видя, что Роза читает роман, Дороти слабым голосом попросила:

– Роза, дорогая, вам непременно нужно читать Киппу вслух.

Не желая огорчать свою пациентку, Роза все же спросила:

– А вам не кажется, что Диккенс вне уровня его понимания?

– Ни в коем случае. Совсем наоборот. Я помню, с каким наслаждением он слушал, когда я читала ему «Большие надежды». Он обожает «Рождественскую песнь».

Кипп стоял у кровати хозяйки, смотрел на нее и вилял хвостом.

Дороти постучала рукой по матрасу, приглашая его к себе.

Кипп запрыгнул на кровать, лег рядом и уткнулся мордой в бедро хозяйки.

Дороти коснулась его большой головы, нежно потрепала висячие уши и погладила золотистую шерсть.

Ненавистная Смерть уже стояла на пороге, но в сердце Киппа рядом с горем соседствовало блаженство.

4

Двухполосное шоссе темной змеей извивается вдоль пустошей Юты, омываемых бледным светом луны. В этом почти пустом пространстве то здесь, то там светятся далекие скопления огоньков, словно с орбитального корабля инопланетян спускаются летающие тарелки, готовясь к какой-то гнусной миссии.

Двигаясь на юг от пригородов Прово к еще более пустынным местам, Ли Шекет не отваживается ехать по федеральному шоссе 15. Он едет по менее оживленным дорогам штата, а в случае необходимости – по второстепенным федеральным трассам, не имеющим разделения полос. Ему не терпится оказаться как можно дальше от событий, произошедших в лабораторном комплексе Спрингвилла.

Если он и совершил столько же зла, сколько любая историческая личность, то делал это с лучшими намерениями. Ли считает, что эти намерения значат больше, нежели последствия его действий. Выбралось бы человечество из пещер,

построило бы орбитальные станции, если бы все мужчины и женщины боялись рисковать? Кто-то стремится к знаниям и любой ценой преодолевает трудности. Благодаря таким людям и совершается прогресс.

Как бы там ни было, все еще может кончиться хорошо. Окончательный результат проекта пока неизвестен; известно лишь, что на средней стадии произошел сбой. В науке каждое начинание ознаменовано неудачами. В конечном итоге любая неудача способна стать матерью успеха, если умеешь учиться на сделанных ошибках.

Однако нынешнюю неудачу Ли считает абсолютной.

Он едет не на своей «тесле», не на «Мерседесе SL-550», поскольку власти рано или поздно объявят его в розыск. Шекет сидит за рулем кроваво-красного «додж-демона», загруженного всем необходимым. Эту машину он купил за сто сорок шесть тысяч долларов через компанию с ограниченной ответственностью, базирующуюся на Каймановых островах. Его имя никак не фигурировало при покупке автомобиля, а потому даже самый въедливый следователь не найдет концов. Номерные знаки на его «додже» выданы в штате Монтана. На тот невероятный случай, если полиция все же пронюхает, кто является владельцем «доджа», GPS-навигатор с машины снят, а потому никакой спутник не отследит его местонахождение.

В багажнике, в одном из двух чемоданов, лежат сто тысяч долларов. Еще триста тысяч в стодолларовых купюрах

спрятаны в потайном отсеке спинки пассажирского сиденья. Чтобы их достать, нужно надавить на две потайные защелки. В подкладку черной спортивной куртки из мягкой кожи зашито тридцать шесть высококачественных бриллиантов, за каждый из которых любой ювелир-оптовик выложит полмиллиона.

Но эти средства нужны Ли не для того, чтобы растягивать их до конца жизни. Они позволят ему затаиться на несколько месяцев, пока не спадет ажиотаж с провалом спрингвиллского проекта. Он покинет территорию Соединенных Штатов и благополучно доберется до Коста-Рики, следуя туда круглым путем. Ему предстоит пересечь границы пяти стран и трижды сменить удостоверение личности. В Коста-Рике у него есть пристанище, записанное на имя Айена Стоунбриджа и действующий швейцарский паспорт на то же имя.

Вплоть до недавнего времени он был генеральным директором «Рефайн» – филиала многомиллиардного конгломерата, имеющего баснословную стоимость. Немногим генеральным директорам, которые возглавляют многомиллиардные компании, хватает прозорливости представить, что в один отнюдь не прекрасный день в их корпорации разразится масштабный кризис, а потому они не обзаваются заранее новыми документами и не копят денежки в тихих местах, подальше от Штатов, чтобы потом десятками лет сохранять высокий уровень жизни, к которому привыкли. Шекет гордится своей мудростью и здравомыслием, хотя он намного

моложе других генеральных директоров.

Ему тридцать четыре. Он не так уж молод по меркам положения, занимаемого им в экономическом секторе, где технологические волшебники создают компании и становятся миллиардерами в свои двадцать. Ли подчиняется Дориану Перселлу – председателю совета директоров материнской компании. Тот стал миллиардером в двадцать семь, а сейчас ему тридцать восемь. Однако сам Шекет стоит лишь сто миллионов.

Дориану хотелось, чтобы исследования в Спрингвилле велись с головокружительной скоростью. Шекет подчинялся: ведь при успешной реализации их первичного проекта акции «Рефайн» подскочат и он тоже станет миллиардером, хотя и не мультимиллиардером. А вот пятидесятимиллиардное состояние Дориана, скорее всего, удвоится.

Миллиард видится Шекету жалкой компенсацией. Это несправедливо, потому он скрипит зубами во сне и часто просыпается с ноющими челюстями. Если у тебя всего миллиард, среди принцев высоких технологий ты никто. Как бы эта толпа ни изображала социальное равенство, многие из них крепко держатся за классовое сознание элиты. Таких словных фанатиков мир еще не видел. Ли Шекет ненавидит их почти так же сильно, как хочет быть одним из них.

Если ему до конца жизни придется прятаться и существовать на жалкую сотню миллионов, всю массу свободного времени он употребит на разработку способов уничтожения

Перселла. Других занятий у него не будет или будет очень мало.

Ли Шекет с самого начала понимал: если дела примут совсем скверный оборот, всю вину ему придется взять на себя. Дориан навсегда останется неприкосновенным – иконой революции высоких технологий. И тем не менее сейчас, когда Шекет вынужден платить такую цену, он чувствует себя обманутым, облапошенным, подставленным.

Мчась по ночным дорогам, он бурлит от гнева, жалости к себе и беспокойства. К ним примешивается и незнакомая ему эмоция, которую он принимает за горе. Девяносто два сотрудника корпорации «Рефайн» наглухо заперты в тщательно охраняемом лабораторном комплексе близ Спрингвилла и в последние часы жизни полностью лишены каких-либо контактов с внешним миром. Ли зол на них не меньше, чем на Дориана. Один или несколько этих гениев, наплевав на меры предосторожности, сотворили нечто такое, что решило их судьбу, а его поставило в невыносимое положение. Однако некоторые из них – его друзья, в той степени, в какой генеральный директор может позволить себе дружбу с подчиненными, и потому сейчас их страдания его угнетают.

При строительстве комплекса Шекет приложил все усилия и добился того, чтобы модуль, где находился его кабинет и кабинеты пяти его непосредственных заместителей, в случае кризиса герметизировался на девяносто секунд позже

всех остальных помещений. Когда прозвучал сигнал тревоги, Ли заверил ближайшее окружение, что они в полной безопасности и должны оставаться на своих местах, а сам тихо ушел.

У него не было иного выбора, как солгать им. Сигнал тревоги означал не надвигающуюся опасность, беда уже грянула. Все они уже заражены наряду с исследователями в лабораториях. Шекет тоже был заражен, однако в смертельно опасной ситуации вроде этой он не мог столь же легко солгать себе, как лгал коллегам.

До сих пор удача ему улыбалась и он избегал последствий своих ошибок. Возможно, удача улыбнется ему и на этот раз и его побег будет удачным.

Вскоре за ним начнется охота, в которую включатся не только силы правопорядка, но и безжалостная команда «чистильщиков» Дориана. Он надеется – исключительно из милосердия и сострадания к обреченным, – что все работники спрингвиллского комплекса погибнут и свидетельствовать против него будет некому.

5

Когда Роза спустилась вниз, чтобы сделать себе сэндвич, Кипп остался наедине с Дороти.

От ночника шел неяркий свет. Тени в спальне замерли, как стоячая вода. Лунное сияние серебрило могучую сосну,

росшую за окном.

– Я договорилась с Розой, – начала Дороти. – Когда я умру, ты останешься с ней. Она будет хорошо заботиться о тебе.

В ответ на слова хозяйки Кипп трижды ударил по покрывалу хвостом. Троекратный удар означал: «Да, все так». Однократный – «Нет» или «Я так не думаю».

По правде говоря, судьба уведет его в другое место и с Розой он не останется.

Однако незачем расстраивать Дороти.

– Дружочек, ты был для меня не менее ценным подарком, чем мой сын Джек и дорогой прекрасный Артур.

Кипп убрал голову с бедра хозяйки и лизнул ее бледную руку, часто гладившую его шерсть и угощавшую деликатесами.

– Жаль, что мы так и не нашли способа разгадать тайну твоего происхождения. – Кипп протяжно вздохнул, выражая согласие. – Но в конце концов, все наши истоки одинаковы. Они рождаются в сердце, и это делает нас такими, какие мы есть.

Киппу хотелось сказать хозяйке так много, пока еще есть время.

И хотя уровень его интеллекта непонятным образом повысился до человеческого, собачья гортань не была приспособлена для речи. Кипп мог издавать множество звуков, но не слов.

Дороти разработала оригинальный метод общения, но устройство для общения находилось на первом этаже, а ей уже не хватало сил встать и спуститься вниз.

Ничего страшного. Все, что Кипп хотел ей сказать, было уже сказано раньше. «Я люблю тебя. Я буду ужасно по тебе скучать. Я никогда тебя не забуду».

– Дорогое дитя, позволь мне заглянуть в твои глаза, – попросила Дороти.

Кипп переместил голову ей на грудь и встретился с ее любящим взглядом.

– Твои глаза и сердце такие же золотые, как твоя порода, дорогой Кипп.

Глаза Дороти были синими, ясными и глубокими.

6

Ли Шекет паркует «додж-демон» в дальнем углу стоянки мотеля «Бест вестерн» в городке Дельта, штат Юта. Сидя в машине, он сбривает свою аккуратную, ухоженную бородку, которую носил с тех пор, как ему исполнилось двадцать четыре года. Затем он ополаскивает руки антисептиком и надевает контактные линзы, продаваемые без рецепта. Цвет его глаз меняется с серо-стального на карий.

Скрыв бóльшую часть своих светлых волос под бейсболкой, Шекет едет дальше. Он движется по штатному шоссе 257, сворачивает на шоссе 21, затем на шоссе 130. Проехав

сто двадцать пять миль, он прибывает в Сидар-Сити, где регистрируется в местном отеле «Холидей инн» по водительскому удостоверению и кредитной карточке на имя Натана Палмера.

Он решил перекрасить волосы, но сперва ему нужно узнать, попала ли катастрофа в спрингвиллском комплексе на каналы кабельного телевидения. Войдя к себе в номер, он сразу же включает телевизор. Первыми кадрами, которые он видит, оказывается видеорепортаж, сделанный под конец рабочего дня, еще до наступления темноты. Когда Ли бежал с места катастрофы, пожара в комплексе еще не было. Огонь вспыхнул через несколько минут после его поспешного бегства. Яростное пламя полыхает над всем комплексом, достигая высоты шестидесяти или даже семидесяти футов.

Должно быть, пожар произошел не сам собой. Комплекс подожгли, чтобы скрыть правду о случившемся. Шекет и не подозревал, что емкости с топливом и система зажигания были изначально вмонтированы в конструкцию комплекса для гарантии, что в случае катастрофы все доказательства характера выполняемой там работы никогда не будут обнаружены.

Он не сомневается, что всех сотрудников намеренно сожгли заживо, сожгли дотла, до костей, если таковые останутся. Коронерам не с чем будет работать. Хотя обреченные все равно бы умерли спустя дни или недели, столь жестокое сожжение персонала шокирует Ли. Он чувствует слабость в но-

гах и садится на край кровати.

Да, он бросил этих людей на произвол судьбы, однако их судьбу решил не он, а Дориан. Есть разные степени зла, и Ли Шекет тешит себя мыслью, что содеянное им бледнеет по сравнению со зверством, учиненным его боссом.

Дориан Перселл наверняка отдал секретное распоряжение о принятии крайних мер как гарантии от провала. Дориан воображает себя провидцем, как называют его почти все СМИ, которые пишут о нем. А настоящий провидец знает: прогресс требует жертв. Результаты прогресса измеряются не краткосрочными событиями – даже если эти события унесли несколько десятков жизней и вызвали миллиардные потери, – а долгосрочной перспективой, сулящей невиданные блага для всего человечества. Чтобы оправдать убийство десятков миллионов, Сталин якобы произнес фразу: «Одна смерть – трагедия, миллион смертей – статистика»². По сравнению с гибелью миллионов эти девяносто две смерти для Дориана не более чем подстрочное примечание к великому проекту, который осуществлялся в спрингвиллских лабораториях «Рефайн» и который через год возобновится где-нибудь в другом месте.

Диктор выпуска новостей с серьезным видом сообщает, что в сгоревшем комплексе проводились исследования, на-

² Эта фраза стала популярной после выхода в свет романа Эриха Марии Ремарка «Черный обелиск» (1956). Сталин действительно произносил аналогичную фразу, но совсем по другому поводу и с вопросительной интонацией.

правленные на поиск революционно нового лекарства для лечения рака. Это отъявленное вранье, однако диктор наверняка верит в него. Исследования, связанные с лечением рака, не настолько опасны, чтобы для них требовалось строить изолированный, обнесенный высокими стенами лабораторный комплекс в пригороде Прово, штат Юта. От стен до ближайших домов – целая миля. Однако в эпоху, когда агентства новостей имеют скудный бюджет, многие СМИ предпочитают верить всему, что им сообщают любые источники, считающиеся у них надежными. Журналистские расследования стали уделом тех, кого информационный мейнстрим считает бесчестным и подозрительным. Во всяком случае, репутация Дориана Перселла не пострадает. Он занимает правильную позицию по всем вопросам, важным для законодателей общественного мнения, и они почти всегда называют его хорошим парнем.

Диктор излагает предварительную официальную версию пожара. Сгоревший лабораторный комплекс в Спрингвилле имел свою электростанцию, чтобы перебои с подачей электроэнергии не влияли на проведение исследований. Электростанция работала на природном газе. Вероятно, на каком-то участке газопровода произошла утечка, оставшаяся незамеченной. Газ накапливался под зданием, пока весь комплекс не оказался стоящим на «газовой бомбе».

– Да, верно, – говорит Ли и выключает телевизор.

Через некоторое время, превратившись в кареглазого,

гладко выбритого брюнета, он идет обедать. Он никогда не был привередлив в еде. Еда, подаваемая в ресторанах отелей «Холидей инн» и других таких же местах, всегда его устраивала. Но сегодня впервые за много лет ни одно из заказанных блюд не вызывает у него аппетита. Зеленый салат горчит. У овощей – металлический привкус. Картошка вообще не имеет вкуса. Он способен есть только курицу, но и та не настолько сочна, какой бы ей следовало быть.

Ему очень хочется еще какой-то еды, но какой именно – он не знает. Ни одно из блюд меню не вызывает желания заказать и попробовать.

Вернувшись в номер, он смешивает пряный ром с кока-колой и пьет, пока его не начинает клонить ко сну.

В половине четвертого утра он с криком просыпается от кошмарного сна. Тело покрыто холодным липким потом. Из этого сна он не помнит ни одного эпизода.

Как всегда в таких случаях, он не сразу вспоминает, где находится. Из-под кромок оконных штор льется странный кобальтово-синий свет, будто за стенами отеля произошла бесшумная катастрофа и теперь оттуда распространяется смертельно опасная радиация. Ли вполне трезв, но его скромный номер в отеле почему-то ощущается большим. Кровать, словно корабль, покачивается на море, состоящем из волнистых теней. Когда Ли отбрасывает одеяло и садится на краю кровати, пол под ногами кажется живым ковром из ползающих насекомых. Он протягивает руку, нащупывая

выключатель прикроватной лампы. Вспыхнувший неяркий свет ставит на якорь плавающую кровать и показывает, что никаких насекомых на полу нет. Однако слабому ночнику не справиться с обилием теней, и при свете комната не становится менее зловещей, нежели в темноте.

Встав с кровати, он замирает в нерешительности. Этот кошмар наверняка приснился ему неспроста: настойчивое предупреждение о надвигающемся зле. То было не фантазией спящего, а правдой, на основе которой он должен действовать, чтобы спастись. Однако он так и не может вспомнить сон.

Ли устраивается в кресле, вцепляясь в обивку подлокотников. Он качается взад-вперед, хотя это кресло вовсе не кресло-качалка и не движется вместе с ним. Ему трудно сидеть спокойно. Он испытывает потребность двигаться, словно доказывая себе, что жив.

В том кошмарном сне... Теперь Ли кое-что припоминает. Он попал в ловушку и был парализован, а затем крепко связан, оказавшись в своеобразном коконе. Глаза ему завязали белой полупрозрачной материей, отчего он видел лишь возникающие и исчезающие бесформенные тени. Вместе с ними появлялись и исчезали звуки.

Вздвогнув, он начинает раздумывать: мог ли спектр генетического материала, попавшего в его клетки, содержать червей, которые умирают, чтобы тут же заново родиться из кокона?

Во сне он был беспомощным и одиноким. Ли безостановочно качается в неподвижном кресле. Он бежит не с пустыми руками. У него есть достаточная сумма наличными. В Коста-Рике у него красивый дом. Сто миллионов долларов спрятано у него там, где никакая полиция их не найдет. Однако глубокое чувство одиночества делает его уязвимым, человеком без ясной цели.

Ли Шекет ощущает бессилие, такое же, как в детстве, под железной властью жестокого отца-алкоголика и психически неуравновешенной матери.

Бессилие для него невыносимо. Он не в состоянии это вытерпеть.

Помимо ученых, в Спрингвилле ему подчинялись еще две тысячи двести работников «Рефайн». Теперь ему не подчиняется никто. У него были власть, положение, уважение, двадцать костюмов от Тома Форда, которые он носил с разноцветными кроссовками. Все это ушло. Он одинок.

Только сейчас он по-настоящему понимает, что худшей из бед, обрушивающихся на человека, является одиночество.

Ли Шекету никогда не везло с отношениями. Подружки у него были. Горячие. Он же не уродина. Женщинам нравится, как он выглядит. Они восхищаются его амбициозностью. Он обладает чувством юмора, умеет танцевать. У него есть стиль. Он хорош в постели. Он умеет слушать. Но длительных любовных отношений у него никогда не было. Рано или поздно... скорее, рано... каждая женщина начинает казать-

ся ему в чем-то неадекватной, чему-то не соответствующей. Отношения с нею становятся пустыми, не имеющими должной эмоциональной подпитки. Просто чайная ложка романтической эссенции. И тем не менее у него неизбежно складывается ощущение, будто он захлебывается и тонет в этой чайной ложке. Он жаждет выбраться.

Он замер в кресле. Эта неподвижность тревожит его; кажется, что непрерывное движение – единственный способ остаться в живых. Он вскакивает и начинает ходить по комнате, становясь все беспокойнее.

С ним творится что-то странное.

Неяркий свет лампы делает его мечущиеся отражения в зеркале призрачными, словно он – призрак одного из прежних постояльцев, который умер в этом номере и теперь не хочет идти ни в рай, ни в ад. Призрак, которому некуда идти.

Кружа по комнате, Ли пытается вспомнить, когда и где его жизнь пошла не по той колее. А ведь это случилось еще до катастрофы в Спрингвилле. Когда он в последний раз был по-настоящему счастлив? Он обязательно должен это вспомнить. Когда его будущее было наиболее обещающим?

Работая у Дориана Перселла, Ли достиг значительных успехов. Однако такие скачки по карьерной лестнице сопровождаются не менее значительным уровнем стресса. И хотя Ли богател, он не может честно сказать себе, когда был более счастлив – в эти годы или прежде.

Еще до работы у Перселла он не всегда пребывал в ра-

дужном настроении, но тогда перспектив счастья было больше. Тогда у него была надежда. Возможности, открывающиеся перед ним, казались безграничными, тогда как сейчас их осталось совсем немного. Может, всего одна.

И он один. Некому его выслушать. Некому понять. Некому о нем позаботиться. Нет никого, кто бы ему подчинялся.

Поворотным пунктом, движущей силой, изменившей жизнь Ли, был Джейсон Букмен – его друг со времен учебы в колледже. Поначалу карьера Джейсона резко шла в гору, а вот Ли каждый шаг давался с трудом. Затем Джейсон ввел его в ближний круг Дориана Перселла.

Ли продолжает ходить по номеру, и отражение в зеркале гардероба его будоражит. Его лицо. С его лицом происходит что-то странное; с его лицом что-то не так.

Он почти бежит в ванную, где свет ярче. У него карие глаза, каштановые волосы, никакой бороды. Другие его бы и не узнали, но он-то себя знает. Взгляд его грязновато-карих глаз не идет ни в какое сравнение с прежним – буравящим, серо-стальным. Один этот взгляд приводил в трепет руководителей младшего звена. Во всем остальном он выглядит вполне нормально.

Но его ощущения далеки от нормальных. Его лицо жесткое, как маска. Он двигает лицевыми мышцами: зевает, выпячивает губы, гримасничает. Кончиками пальцев он массирует подбородок, щеки и лоб, щиплет себя за нос, оттягивает губы, ища... изменения. Наконец он решает, что жесткость

лица – всего лишь следствие его беспокойства. И его тело напряжено из-за предчувствия опасности.

Джейсон Букмен изменил жизнь Ли, что привело его к нынешним катастрофическим обстоятельствам. Но втягивание его в орбиту Перселла было не самым худшим поступком Джейсона. Хуже, что Джейсон женился на Меган.

Ли смотрит на себя в зеркале ванной, и его вдруг озаляет. Джейсон был настолько дальновидным, настолько понимающим риск, которым в конечном итоге обернется работа у такого самовлюбленного, одержимого властью типа, как Дориан Перселл, что намеренно привел Ли в империю Перселла. Генеральный директор? Козел отпущения, мальчик для битья – вот кем на самом деле стал Ли Шекет. Ему досталась роль, которую в противном случае пришлось бы играть Джейсону. Почему он этого не понял еще тогда? Был ли Джейсон нечестен с ним? Выглядел ли одержимым? Нет и еще раз нет. Все, что прежде казалось дружеским участием, вдруг предстало как хитроумный маневр, достойный Макиавелли. Мало того, что Джейсон увел у Ли Меган – он выстроил хитроумную схему. Если у «Рефайн» возникнут проблемы, все шишки посыплются на Ли.

Ли помнит тепло поцелуя Меган. Меган Грассли. Теперь она Меган Букмен. Почти четырнадцать лет назад они встречались два или три месяца. И за все это время он не получил от нее ничего больше, чем поцелуй. Он привык к покладистым девушкам, а она настаивала на обязательствах, прежде

чем согласиться на секс. Он решил ее проучить, завязав интрижку с горячей цыпочкой по имени Кларисса. Пусть Меган усвоит, что удовлетворение потребностей мужчины – лучший способ добиться от него серьезности намерений. Прошел месяц. С Меган стал встречаться Джейсон, и через какое-то время они поженились. В то время Ли не винил Джейсона в «браконьерстве» Он был великодушным. Он пожелал новобрачным счастья, а сам подумал: друг еще не раз пожалеет, что связал жизнь с такой фригидной сукой.

Однако жизнь Меган и Джейсона пошла совсем не так, как думалось Ли. Они были по-настоящему счастливы. С каждым годом Меган становилась все горячее, гораздо горячее Клариссы. Хорошо. Никаких проблем. Ли не хотел ее. Она не была для него достаточно быстрой. Образно говоря, она была «хондой», тогда как ему требовалась женщина-«феррари». У него были варианты получше, нежели Меган. Мир полон хорошеньких женщин, особенно когда твои годовые доходы исчисляются семизначными цифрами и ты накапливаешь акции.

Но сейчас он безработный, одинокий. Вскоре его будут разыскивать как беглого преступника.

Будь он с Меган потерпеливее, возможно, она ему бы и отдалась. Они могли пожениться, и все пошло бы совсем не так, как в его нынешнем положении, когда стремительная карьера окончилась катастрофой.

Ли вдруг вспоминает, когда он был счастливее всего и ко-

гда его будущее казалось наиболее обещающим. Это было, когда он встречался с Меган.

Рассматривая свои глаза в зеркале, он понимает, что с его лицом все в порядке. Проблема, если ее можно назвать проблемой, существует за пределами его лица. Что-то происходит с его рассудком. Лихорадка в мозгу. Будь у него термометр, температура оказалась бы нормальной, ровно 96,8³. Однако его мозг охвачен лихорадкой возбуждения. Возбуждение, брожение, беспокойство. Это совсем не обязательно плохо. Да, он воодушевлен, наэлектризован, гальванизирован.

Ли знает, что нужно делать. Он не может вернуться на четырнадцать лет назад и жениться на Меган. Но он может поехать к ней в Калифорнию, где она теперь живет. Она вдова. Вот уже три года как вдова. Сейчас она будет сговорчивее, чем в юности, будет готова к новой жизни, к правильной жизни, которая у них сложилась бы, если бы тогда не вмешался Джейсон Букмен. Ли увезет ее в Коста-Рику. Мальчишку тоже, если она действительно хочет возиться с умственно отсталым неммым отпрыском. Горячая Меган и жаркая Коста-Рика. Такая перспектива стимулирует Ли, зажигает его. Он снова будет счастлив, его ждет прекрасное, многообещающее будущее.

Отражение в зеркале ванной говорит ему, что это больше не его отражение, а нечто, скорее похожее на Джейсона Бук-

³ 37 °C.

мена, браконьера-макиавелли и предателя друзей. «Ты заразился, – заявляет Джейсон. – Они так и кишат внутри тебя. С твоим мозгом творится что-то не то».

– Врешь, – отвечает ему Ли. – Ты просто не хочешь, чтобы я залез к ней в трусики.

Он хватает бутылкупряного рома и швыряет в зеркало.

Бутылка разбивается и разбивает зеркало, мгновенно обезглавливая и расчленяя Джейсона Букмена. Из рамы торчат стеклянные кинжалы, клинки, стилеты и кривые сабли. Осколки сыплются в раковину и на окаймление, отделанное под мрамор. Падая, осколки звенят, как серебряные колокола в какой-нибудь сказочной демонической церкви.

Ли крайне возбужден. До рассвета еще два часа. Он возвращается в комнату и быстро одевается, готовясь к дальней дороге.

7

В течение нескольких часов Дороти то проваливается в сон, то просыпается. Ее рука остается на спине Киппа – то неподвижная, то ласкающая.

Чувствуя состояние хозяйки, Кипп не позволял себе спать, прося, чтобы судьба подарила ему еще один час общения с ней, потом еще один и еще.

А затем ее не стало.

Кипп почувал, как хозяйка покинула сначала свою плоть,

а потом и свою спальню.

Он плакал так, как только и могут плакать собаки: не проронив ни слезинки, а лишь тоненько и жалобно поскуливая.

Роза, вся в слезах, ибо она любила Дороти, сказала:

– Кипп, дорогой, прошу тебя, не надо. Мое сердце и так разбито, а от твоего плача оно разбивается еще сильнее.

Однако Кипп еще долго не мог успокоиться, поскольку Дороти ушла туда, куда он не мог последовать за ней.

Он не только остался совсем один. Он превратился в половину того, кем был.

8

Вуди всегда хватало пяти часов сна. Возможно, в раннем детстве, когда он был толстощеким младенцем, он спал дольше, однако при своей исключительной памяти он не помнил ничего из своего младенчества, кроме игрушек, подвешенных над его колыбелью, – разноцветных птиц из люцита⁴: кораллово-розовых, желтых, сапфирово-синих. Они безостановочно кружились, отбрасывая яркие призматические отблески на стены. Возможно, из-за этих птиц ему иногда снилось, что он летает. Столпы медицины единодушно утверждали: каждый человек нуждается в восьмичасовом сне. Менее продолжительный сон, по их мнению, делал

⁴ *Люцит* – одно из названий органического стекла.

людей невнимательными, а их мысли – хаотичными. Большинство бродяг, воров и серийных убийц стали таковыми от недостатка сна. Теория теорией, однако в случае Вуди, если он залеживался в постели дольше обычного, у него нарушалась ясность мыслей и потом он долго не мог сосредоточиться. Без десяти четыре его веки открылись с почти слышимым щелчком, и он проснулся без каких-либо шансов уснуть снова.

Эта особенность тоже смущала его. Его отличия от обычных людей не поддавались исчислению. Если бы он, как все, спал по восемь часов, возможно, это сделало бы его чуть менее отчужденным.

Ранним утром среды Вуди сделал то, что делал всегда, когда просыпался. У него были четко установленные правила. Правила были его спасением. За стенами дома лежал обширный и сложный мир, являвшийся частью еще более обширной и сложной Солнечной системы. Солнечная система входила в состав огромной галактики, а та – в бесконечную Вселенную, где сияли триллионы звезд. Триллионы звезд! Вуди старался особо не задумываться об этом. В мире были бесчисленные возможности выбора, там с тобой могли произойти бесчисленные события. От всего этого ты застывал в нерешительности и цепенел от страха перед неведомыми угрозами. Правила же делали бесконечное конечным и управляемым. Поэтому Вуди, как обычно, постоял четыре минуты под душем, оделся и тихо спустился вниз.

Ему разрешалось самому готовить завтрак из хлопьев и тостов, но есть сейчас было еще слишком рано.

И потом, он любил завтракать вместе с мамой, когда та вставала. За завтраком он молчал, но с удовольствием слушал то, что она говорила. Иногда она ограничивалась несколькими фразами, что тоже устраивало Вуди, если только мамина молчаливость не была обусловлена ее печалью.

Он всегда знал, когда маме грустно. Ее грусть накатывала на него, словно слякотные брызги, несомые ветром. Вуди становилось зябко и тоже грустно, хотя сам он не был склонен грустить.

Из ящика кухонного стола он достал тактический фонарь фирмы «Белл и Хауэлл», а также надежный сигнальный рожок фирмы «Эттвуд». Рожок представлял собой небольшой аэрозольный флакон с красным пластмассовым клаксоном. Если надавить на белую кнопку сверху клаксона, раздастся оглушительный звук «УАААААА», который обязательно отпугнет потенциально опасных животных, хотя Вуди редко их видел, а сигнальным рожком пользовался всего дважды.

Экипировавшись, он подошел к пульту сигнальной системы рядом с задней дверью. Вуди набрал четыре цифры, и механический голос сообщил: «Система отключена». Он заранее установил минимальную громкость, чтобы мама не проснулась ни от каких посторонних звуков, кроме настоящего сигнала тревоги.

На заднем крыльце стояли два тиковых стула с мягкими

синими подушками. Их разделял столик. Рядом на цепях из нержавеющей стали висели качели. Вокруг простиралась темнота.

Вуди не боялся темноты.

Ночь умела быть волшебной. В темные часы раннего утра, пока мама еще спала, он наблюдал удивительные события. Однажды он видел, как по лужайке брела толстая самка опоссума, ведя за собой малышей. Мамаша и дети с любопытством смотрели на него, а их глаза светились, как фонарики. Вуди видел лис, многочисленных кроликов и семьи оленей. Единственными зверями, которых ему пришлось отпугнуть долгим нажатием на клаксон сигнального рожка, были еноты. Те подходили к самому крыльцу, шипели и скалили зубы.

Своим беспрекословным послушанием Вуди заслужил право сидеть по утрам на крыльце столько, сколько ему захочется. Главное, чтобы задняя дверь оставалась открытой и при необходимости он мог быстро убежать в дом. Но спускаться с крыльца во двор в это время ему не разрешалось. Двор был обширным, площадью почти в три акра. Дальний конец двора граничил с лесом.

В лесу жили звери еще опаснее злобных енотов. Мать-природа на самом деле вела себя совсем не по-матерински. Мама говорила, что природа больше похожа на тетку, страдающую биполярным расстройством, которая большую часть времени относится к тебе по-доброму, но время от времени становится сущей ведьмой, насылающей убийственные ура-

ганы и опасных зверей вроде кугуаров. Те, если бы им дали меню, всегда бы заказывали на обед малолетних детей с нежной кожей.

Вуди сидел на ступеньках крыльца. Мама рассчитывала, что он будет сидеть на одном из стульев, на качелях или стоять у перил. Но ступеньки приближали его к действиям, если таковые понадобятся. Вуди и в этом случае оставался верным правилам, главное из которых запрещало ему спускаться в темный двор. Тактический фонарь лежал рядом, хотя и погашенный, а в правой руке он держал сигнальный рожок.

Луна, еще не успевшая скрыться за горами, плыла по западной стороне небосвода, сияя, как какая-нибудь экзотическая медуза в космическом море. На небе мерцало столько звезд, что для их подсчета Вуди не хватило бы жизни. После смерти отца – убийства! – они переехали сюда из шумного города в Кремниевой долине. Мама говорила, что Кремниевая долина – это метафора, а не конкретное место. Теперь они жили на окраине городка Пайнхейвен, входящего в одноименный округ. Здесь городское освещение не затмевало света звезд и не мешало на них смотреть.

Вуди просидел на ступеньках не более десяти минут, когда из темноты появилось семейство оленей: самец с удивительно красивыми рогами, самка и детеныш. Олененку было месяцев пять, и с его шкуры еще не исчезли пятна. К зиме они пропадут, и тогда он станет взрослым оленем.

Олени не всегда передвигались семьями, чаще небольши-

ми стадами или поодиночке. Такое же семейство, как это, три месяца подряд почти каждое утро приходило во двор. Их влекла сочная трава на лужайке. Вуди познакомился с ними. Он раскладывал на ступеньках крыльца четвертинки яблок, а сам садился на стул. Постепенно олени осмелели и начали есть яблоки с нижней ступеньки, в то время как Вуди сидел на верхней, и в конце концов они стали брать яблоки мягкими губами из его рук.

Это было в прошлом году. Но сегодня к нему пришло другое семейство. Вуди помнил отметины на шкуре тех оленей и сразу понял, что видит новых гостей. Олени тоже увидели его и потому осторожничали, щипали траву, держась поодаль. Под лунным светом их шкуры казались слегка покрытыми патиной.

Что же могло произойти с тем семейством? Может, кого-то из них или всех застрелили охотники? А может, оленяха или олененок стали добычей кугуара? Держаться вместе, оберегаясь от опасностей, – нелегкая задача в оленьем мире. Очень даже нелегкая.

Вуди не решался пойти в кухню, чтобы нарезать несколько яблок на четвертинки и попытаться приманить новую семью к крыльцу. Если он встанет, это может их спугнуть. Если олени придут во двор еще несколько раз и привыкнут к его присутствию, он попытается с ними подружиться.

Пока что ему нравилось просто следить за оленями. Они завораживали Вуди. Красивые, грациозные. Но сильнее все-

го его трогали не красота и не грациозность. Вуди завораживало, зачаровывало и даже околдовывало то, что их трое, что они спокойно щиплют траву под звездами и ничего не боятся в этом мире страха. У них такой вид, будто впереди целая вечность совместной жизни.

Ночь была необычайно тихой. Вуди показалось, что он слышит, как движутся звезды, сжигая за собой световые годы, хотя на самом деле этот звук был вызван движением крови по капиллярам.

– Привет. – Голос Вуди звучал негромко и мягко, однако самец поднял рогатую голову и внимательно посмотрел на мальчика. Они долго смотрели друг на друга, а потом Вуди прошептал: – Я люблю тебя.

Он знал, что олени не испортят этот момент неуместными словами, пропасть между их видами гарантировала, что никто из них не поставит друг друга в неловкое положение.

9

И все же, когда Вуди отключал систему охраны, слова «Система отключена» разбудили Меган Букмен. Громкость была понижена почти во всем доме, но у себя в спальне Меган нарочно сделала звук погромче, чтобы всегда знать, когда сын отпрашивается на заднее крыльцо.

Встав с постели, она прошлепала босыми ногами туда, где в стену был вмонтирован монитор «Крестрон». От ее при-

косновения сенсорный экран засветился. Появилось меню, в котором Меган выбрала опцию «Камеры». Вокруг дома были установлены четырнадцать двухкамерных модулей. Одна камера такого модуля делала запись при дневном свете или включенном наружном освещении. Другая работала в инфракрасном диапазоне, когда, как сейчас, не было солнца и не горели фонари.

Система аудиовизуального наблюдения преобразовывала инфракрасные изображения в волны, длина которых приближалась к 555 нанометрам. Это соответствовало зеленой части спектра, к которой человеческий глаз был наиболее восприимчив. И тем не менее картинка на экране монитора не передавала деталей. Хотя Меган видела Вуди, сидевшего на верхней ступеньке и смотревшего в сторону леса, он был светло-зеленым силуэтом среди теней разных оттенков зеленого, похожим на лесного духа, которого любопытство привело к человеческому жилью.

При нем, конечно же, были тактический фонарь и сигнальный рожок. Вуди никогда не забывал брать их с собой.

При первых признаках опасности он нажмет кнопку клаксона и поспешит в дом. Меган не опасалась того, что Вуди может не распознать угрозу. Он боялся чужих людей и всего, что не входило в его привычный круг.

Пайнхейвен не был рассадником преступности. Даже эпидемия наркотиков, захлестнувшая страну, еще не добралась до этого тихого провинциального городка. Дом Меган стоял

на самой окраине. В Пайнхейвене она родилась и выросла. Вернувшись сюда, она чувствовала себя в безопасности.

Конечно, то, что Вуди сейчас сидит один на заднем крыльце, не было идеальной ситуацией. Но ему уже одиннадцать. Он ценил независимость, доступную в его состоянии. Меган не могла круглосуточно находиться рядом с ним. Для них обоих было бы нехорошо, если бы она держала его на привязи страха, как на поводке.

Меган вернулась в кровать. Обычно ей требовалось полчаса, чтобы снова заснуть.

К изголовью кровати был прикреплен небольшой оружейный сейф. Ложась спать, Меган открывала его, чтобы держать оружие в пределах досягаемости, а вставая, закрывала. В сейфе хранился универсальный самозарядный 9-миллиметровый пистолет фирмы «Хеклер и Кох» с магазином на десять патронов.

Этот пистолет она купила через неделю после гибели Джейсона. Затем стала брать уроки стрельбы у бывшего полицейского, открывшего школу самообороны. Она и сейчас, три года спустя, регулярно упражнялась в стрельбе.

Лежа без сна в темноте, Меган задавалась вопросом: действительно ли она чувствует себя в безопасности, как утверждает?

По мнению Ли Шекета, юго-запад Юты – полное дерьмо. От Сидар-Сити до границы штата – шестьдесят миль по штатному шоссе 56. Суrowый, освещенный бледной луной пейзаж. Он едет по местам, где ни одного кафетерия «Старбакс», ни одного суши-ресторана. Глушь, словно он находится в пустыне. Но Ли по-прежнему убежден, что ехать по трехстепенным дорогам безопаснее. Здесь меньше полиции, чем на федеральных трассах.

Однако по сравнению с юго-востоком Невады Юта кажется ему цветущим раем. Он едет по двухполосным дорогам округов Линкольн и Най. Вот где настоящая пустыня. Жгучее солнце поднимается здесь как предзнаменование надвигающегося термоядерного кошмара. От сонного городишки Кальенте до такой же дыры под названием Рейчел он проезжает восемьдесят миль по невадской глухомани. До следующего населенного пункта ехать еще пятьдесят четыре мили по совершенно пустой дороге. Она кажется Ли местом для харакири, куда выползают уставшие, отчаявшиеся гремучие змеи и ждут, когда колеса судьбы освободят их от удручающей скуки пустынной жизни.

Вдалеке, по обеим сторонам дороги, мелькают поселения вроде Хико и Эш-Спрингс. Туда ведут штатные и окружные дороги. А в места вроде Темпьюта или Адавена можно до-

браться только по грунтовым дорогам. Без десяти семь он останавливается на заправочной станции, к которой примыкает магазинчик, торгующий товарами первой необходимости. Позади стоит жилой дом. Заправка находится на перекрестке дорог, в нескольких милях от Уорм-Спрингса. Бензин в двух колонках стоит дороже обычного, его марка Ли незнакома. Светло-желтая штукатурка магазинчика облупилась. Его крыша покрыта голубой керамической плиткой.

От прежней жизни Шекета ничего не осталось, до его новой жизни с Меган в Калифорнии еще нужно доехать, а пока, с самого выезда из Сидар-Сити, он пребывал в паршивом настроении. Милю за милей этот эквивалент пустыни Моха-ве высасывал из него последние капли человеческой доброты, те, что еще не успела высосать нескончаемая несправедливость, которую ему пришлось вытерпеть.

Заправочные колонки моложе нефти, из которой сделан залитый в них бензин, но они не принадлежат к поколению заправок, умеющих считывать данные кредитных карт. Он идет в магазин, предъявляет кассиру карту «Visa» на имя Натана Палмера и просит включить колонку.

Кассир наверняка является и владельцем заправки. Шекет возненавидел его с первого взгляда. Старый. Толстый. На нем брюки цвета хаки, которые держатся на подтяжках, белая футболка и соломенная шляпа с узкими полями. Весь этот наряд кажется сценическим костюмом, словно этот человек играет пустынного недотепу.

Шекет заливает бак, возвращается, чтобы подписать бланк оплаты и получить назад свою карту.

– Не правда ли, прекрасное утро? – говорит этот старый дурень.

– Жарит, как в духовке, – отвечает Шекет.

– Это потому, что вы не из наших краев. Для нас утро вполне сносное.

– Откуда вы знаете, что я не из ваших краев?

– Видел номера, когда вы подъезжали. В Неваде таких нет. Кажется, это номера Монтаны.

Шекету не до разговоров. Он сосредотачивается на подписи, поскольку вдруг забывает имя, выдавленное на кредитной карте. Он едва не подписывается «Ли Шекет». У него что-то с головой.

– Сегодня только восемьдесят два градуса⁵, – говорит кассир. – Для наших мест, да еще в это время года, такая температура считается прохладной.

Шекет расписывается правильно: «Натан Палмер». Поднимает голову и смотрит в слезящиеся глаза старика.

– О каких местах вы говорите? О тех, что у вас ниже пояса?

– Прошу прощения, я не понял?

– За что вы просите прощения?

Кассир хмурится и подталкивает карту к Шекету.

– Хорошего вам дня.

⁵ Около 28 °С.

Шекет не понимает, отчего он испытывает злость и презрение по отношению к незнакомцу. Это его немного пугает, но остановиться он не может.

– За что вы просите прощения? – снова спрашивает Шекет. Этот придурок злит его своей фальшиво-дружелюбной манерой. Ишь, соседа нашел. – Может, вы пукнули? Вас за это простить?

– Я не хотел вас обидеть, – говорит кассир и отводит взгляд.

– Вы считаете, что обидели меня?

– Сэр, я искренне верю, что нет.

В голове Шекета нарастает гудение, словно у него в мозгу осы устроили себе гнездо.

– Значит, вы в это верите? – Кассир смотрит в окно, надеясь, что к заправке подъедет еще кто-то. Но возле колонок пусто. Только проплывающее облако на минуту затеняет заправочную станцию и участок дороги. Напряжение старика, его подавляемый страх возбуждают Шекета. – У вас есть основополагающее убеждение? – спрашивает он, беря с прилавка шоколадный батончик.

Когда-то у Шекета были основополагающие убеждения и пределы допустимого. Он в этом уверен. Вот только не может вспомнить, какими были эти пределы.

– Что вы имеете в виду? – спрашивает старик.

– Скажем, вы верите в Бога?

– Да, сэр, верю.

– Верите?

– Да, сэр.

– А где Бог? – спрашивает Шекет, разворачивая батончик и бросая обертку на пол.

Старик снова смотрит ему в глаза.

– Где Бог? – переспрашивает он.

– Я вот думаю, где, по-вашему, Он находится?

– Бог везде.

– Даже в этом холодильнике с пивом и газировкой? – Кассир молчит. Шекет откусывает от батончика, жует, затем выплевывает липкий комок на прилавок. – У этой штуки вкус дерьма. Срок годности прошел еще десять лет назад. Что ваш Бог думает насчет вашей торговли подобной дрянью? Может, Он не замечает? И все же где Он? Может, Бог прячется в пакетах с картофельными чипсами и чипсами «Доритос»?

Кассир смотрит на процессор для считывания кредитных карт.

– Я считал вашу карту. Она электронная. Считывание происходит по телефону. Номер и имя, они уже там, в офисе «Visa». Покупка отражена.

Старик его убеждает: если здесь произойдет нечто чрезвычайное, останется доказательство, что Натан Палмер в такое-то время заезжал на заправку и расплатился по карте с таким-то номером.

Но Шекет, разумеется, не Натан Палмер.

Сердитое жужжание в его голове становится еще злее.

Нужно что-то сделать, чтобы остановить это жужжание. Он знает, что именно.

Он снова откусывает от батончика, жует и выплевывает на прилавок.

– Или Бог в этих журналах? У вас ведь наверняка есть грязные журнальчики? Есть порнушка?

У толстяка начинает дрожать уголок рта, что еще сильнее возбуждает Шекета.

Однако дрожь напоминает ему о его деде – добром человеке, у которого была такая же дрожь. Ему становится жаль беднягу-кассира. Но жалость быстро проходит.

– А вы не из разговорчивых. Только и назвали это паршивое утро прекрасным и на большее вас не хватило.

Шекет бросает в старика остатком шоколадного батончика, и тот прилипает к белой футболке.

Шекет не является Натаном Палмером, но какое-то время ему придется пользоваться водительскими правами и кредитной картой, выданными на имя Палмера. Расплатись он наличными, он был бы свободнее в своих действиях и нашел бы более радикальные способы убрать гул в голове.

– Согласитесь, что вы удачливый подонок, – говорит он старику. Старик не отвечает. – Я сказал, что вы удачливый подонок. Не слышу ответа.

– Я этого не замечал.

– Чего не замечали? Тогда ваша глупость равнозначна вашей удачливости. Повторяю: вы – удачливый подонок. И се-

годня вам крупно повезло, дедуля. Я выйду отсюда, оставив вам способность дышать. Но если вздумаете позвонить шерифу и вякнуть об этом, знаете, что с вами будет?

– Я никому не собираюсь звонить.

– Если какой-нибудь коп меня тормознет, пусть лучше пристрелит, и поскорее. Если же он этого не сделает, я сам его пристрелю, а потом вернусь сюда и запихну пистолет в вашу жирную задницу.

– Я никому не собираюсь звонить, – повторяет старик.

Шекет возвращается в свой «додж-демон». Под водительским сиденьем в поясной кобуре у него лежит «Хеклер и Кох» 38-го калибра, модель «компакт». Он едва удерживается от жгучего желания схватить пистолет, вернуться в магазин и разрядить в старика всю обойму.

Он снова в пути. Захолустный городишко Уорм-Спрингс остался позади. Двигаясь по федеральному шоссе номер 6 в сторону городка Тонопа, Шекет увеличивает скорость до 120 миль в час, потом до 130. Его «додж» ревет, поглощая расстояние. Шекет возбужден, взбудоражен, наэлектризован. Скорость нужна ему, чтобы погасить возбуждение и успокоиться.

С его разумом что-то происходит. Это началось с тех самых пор, как он покинул Спрингвилл. В его жизни всегда был некий Дориан Перселл, которому он подчинялся. Перселл под любыми именем и фамилией, чье дерьмо он был вынужден глотать. Но то время прошло. Наконец-то он свобо-

ден и сам управляет своей жизнью. Больше над ним нет начальников. Что-то происходит с его разумом, и ему это нравится.

Через тридцать пять миль после Уорм-Спрингс, примерно в десяти милях от Тонопы, гудение в голове Шекета прекращается. Теперь можно сбросить скорость.

До границы штата осталось каких-нибудь девяносто миль. Скоро он будет в Калифорнии, на пути к прекрасной Меган.

Шекет проголодался. Вчерашний обед был дрянь дрянью. Завтрак он пропустил. Шоколадный батончик и впрямь имел вкус дерьма. Он невероятно голоден, просто жутко голоден. Как только окажется в Калифорнии, сразу остановится перекусить. Он не знает, чего бы хотел съесть. Он перебирает в мыслях разные кушанья, но ни одно не наполняет его рот слюной. Это он решит на месте.

Шоссе поднимается в Белые горы, в национальный парк Иньо. Пустые пространства остаются позади, а с ними и его прошлое со всеми ограничениями.

11

Только когда приехали работники похоронного бюро, чтобы забрать тело Дороти, Кипп спрыгнул с кровати хозяйки.

Пока людям было не до него, он быстро добрался до своей дверцы и очутился на заднем дворе.

Наступило сентябрьское утро, такое же теплое и безоб-

лачное, как другие, словно ничего не случилось.

Он молча скулил, взывая к собратам по Мистериуму и сообщая им о своем горе. Кипп знал: где бы они сейчас ни находились и чем бы ни занимались, они разделят его скорбь.

Их было всего восемьдесят шесть – золотистых ретриверов и лабрадор-ретриверов.

Время от времени в сообщество вливались новые члены. Все, кто входил в Мистериум, могли общаться с помощью уникальной телепатической сети, которую они называли Проводом.

Их происхождение и история оставались для них глубокой тайной, но они не теряли надежды проникнуть в нее.

Они отличались от всех других собак. Своей особенностью они наверняка были обязаны людям, поскольку только люди обладали силой менять породу животных.

Но кто это сделал? Когда? С какой целью?

И как они собрались в нескольких округах на севере и в центре Калифорнии, обуреваемые желанием разгадать тайну и смысл своего происхождения?

Провод доносил до Киппа странное бормотание, отличающееся от обычного громкого шума в ушах.

У Киппа возникло подозрение, что этот настойчивый звук не принадлежал кому-то из новых членов Мистериума. Он вообще исходил не от собаки.

Источником звука был человек. Возможно, еще ребенок.

Мальчик, едва достигший подросткового возраста.

Это было чем-то новым. Кипп прежде никогда не слышал сигналов от человека.

Опять-таки звук даже нельзя было назвать сигналом. Мальчик – если это был мальчик – вряд ли знал, что он что-то передает по Проводу.

Кипп остановился, глядя на дом, куда его принесли маленьким щенком.

Он думал, что ему будет грустно покидать этот дом. Но Дороти не стало, и дом потерял прежнюю значимость, превратившись в обычное жилище.

Когда Кипп познакомился с Дороти, ей было семьдесят три. Тогда она не жаловалась на здоровье и думала, что переживет его. А затем у нее обнаружили рак.

Кипп сторонился фасада дома, где стоял автомобиль-ка-тафалк. Ему не хотелось видеть, как увозят тело хозяйки.

Бормочущий мальчик (если это был мальчик) жил где-то к западу от озера Тахо. Точнее, к северо-западу.

Провод можно было выключить, как люди выключали радио. Но если это сделать, чем он тогда займется? А Киппу нужно было чем-то заняться.

Для бродячего пса это будет опасное путешествие, однако Кипп был полон решимости достичь цели.

Он не боялся ловцов собак. Он был проворнее и смышленнее их.

Но мир полон угроз, превосходящих опасность встречи с

ловцами собак.

Кипп двинулся в путь, выбирая тихие улочки, лесные дорожки, леса и луга.

Время от времени он слышал собственное горестное поскуливание. Любовь – это самое лучшее, когда она у тебя есть, и самое ужасное, когда ее у тебя отнимают.

12

В среду после полудня Меган Букмен сидела в мастерской на первом этаже и, работая над картиной, слушала «Патетическую сонату» Бетховена. Большие окна, выходящие на север, давали хорошее освещение. В мастерской пахло скипидаром, олифой и масляными красками. Меган любила эти запахи не меньше, чем аромат роз.

Живописью Меган занималась с детства. Продавать картины начала с тех пор, как окончила колледж. Прекрасные десять лет, прожитые с Джейсоном, и особенности Вуди отодвинули живопись на задний план, но она продолжала работать, оттачивая свою технику и совершенствуя мастерство.

Потом Джейсона не стало, и Меган столкнулась с перспективой растить Вуди одной. Тогда-то живопись и сделалась для нее медленным, но верным лекарством от горя, а также занятием, позволяющим без страха смотреть в будущее. После года вдовства и долгих часов в мастерской, даривших ей радость и вдохновение, Меган стала выставляться в крупной

галерее, имевшей филиалы в Нью-Йорке, Бостоне, Сиэтле и Лос-Анджелесе.

Меган не увлекало модное искусство в манере Пикассо, Кандинского или Уорхола. Она предпочитала старый добрый реализм. Темой ее картин был окружающий мир, изображаемый с педантичной точностью, но с удивительным чувством композиции и потрясающим умением передавать все многообразие оттенков света, что делало волшебными и даже сверхъестественными самые обыденные сцены.

Такой подход едва ли мог снискать ей благосклонность в мире искусствоведов, заикликованных на постмодернизме и всем, что из него вытекало. Тем не менее в последние полтора года ее работы начали должным образом замечать и отмечать.

Меган одинаково равнодушно относилась к хвале и хуле критиков. Она писала картины для своего удовольствия. Ее первая жизнь закончилась, когда погиб Джейсон, и она была горячо благодарна судьбе, что открыла существование жизни после жизни. Живопись и сын доставляли ей немало радости. Все остальное, что могло принести ей будущее, она считала бонусом.

Меган предпочитала не «светить» номер своего смартфона, поэтому дома у нее был стационарный телефон. Один из аппаратов стоял в мастерской, на столике возле мольберта. Когда раздался звонок, номер звонившего ни о чем ей не сказал. И тем не менее она отложила кисть, повернулась на вра-

щающемся стуле и сняла трубку.

– Алло.

– Это Меган? Меган Букмен?

– Я вас слушаю.

– Это Ли Шекет.

Меган не очень представляла, о чем говорить, хотя ее прекрасное настроение несколько померкло.

– Здравствуй, Ли. Как поживаешь?

– Потрясающе. Просто потрясающе, – с оттенком фанатизма произнес он. – Не на что жаловаться. Ни малейших причин. А как ты?

До знакомства с Джейсоном Меган недолгое время встречалась с Ли, однако романтизма в их отношениях не было, как, впрочем, и интимной близости. Он был обаятельным, искренним и временами даже забавным, чем-то напоминая покойного комика Робина Уильямса, но явно переигрывая. Ли отличался усердием и большими мечтами, которые были скорее очаровательно наивными, нежели претенциозными. Молодой человек, делающий карьеру и слишком поглощенный собой, чтобы заботиться о ком-то еще. Джейсону импонировали интеллект и самодисциплина Шекета, и в какой-то момент он рекомендовал друга Дориану Перселлу. С того момента Ли стал быстро подниматься по карьерной лестнице, опередив Джейсона.

– Как поживаю? Хорошо. Пишу картины, воспитываю ребенка. Да ты и сам знаешь.

– А как ребенок? У тебя же сын. Как он?

– Вуди? Прекрасно. Целиком погружен в себя.

Последний раз Меган виделась с Ли Шекетом на корпоративе. Было это восемь или девять лет назад. Когда погиб Джейсон, он не позвонил и не выразил соболезнования.

– Значит, вернулась в Пайнхейвен. Если не ошибаюсь, ты там родилась. Ты ведь родилась в Пайнхейвене?

– Да. Здесь тихо. Прекрасное место для Вуди.

– Пайнхейвен не избалован событиями. Светская жизнь обходит его стороной.

– Это мне и нравится, – ответила Меган, удивляясь, чем вызван звонок Ли и что ему понадобилось.

– Меган, а как у тебя с финансами?

Вопрос застал ее врасплох.

– В каком смысле?

– Я знаю, после гибели Джейсона Дориан был не очень-то щедр к тебе.

У Джейсона были акции корпорации, которые сделали бы их с Вуди если не богачами, то довольно состоятельными. Однако контракт приема на работу включал весьма странный пункт о наследовании, допускавший разные толкования, а Дориан был вовсе не склонен проявлять щедрость к вдове погибшего работника.

– Нам вполне хватает, – сказала Меган.

– Дориан поступил с тобой непорядочно. Он бывает твердолобым подонком. Тебе обязательно нужно было подать на

него в суд.

– Его карманы намного глубже моих. Тяжба растянулась бы на годы, и еще не факт, что я бы выиграла процесс.

– Такое нельзя прощать. Джейсон наверняка посоветовал бы тебе подать в суд. Ведь Дориан отнял у тебя то, что твой муж честно заработал.

– Мне тогда было не до суда. Да и Вуди требовал внимания. Мы же не остались на улице без гроша в кармане. Я не хотела погружаться в судебное разбирательство.

– Дориан и меня кинул. Сначала этот карьерный взлет. Я очутился на самом верху и только потом понял, что он подталкивает меня к самому краю. Случись что – падать мне, а он останется чистеньким. Я уж не говорю про другие его манипуляции. Но я сумел выйти из-под его власти, и не с пустыми руками. С сотней миллионов.

Меган не знала, как реагировать на услышанное. Судя по голосу, Шекет поначалу был полон язвительной злости, а теперь просто раздувался от гордости.

По-видимому, не заметив ее минутного молчания, Ли продолжил:

– Если тебе что-то нужно, все, что угодно, можешь рассчитывать на меня. У меня есть средства. Готов удовлетворить любые твои потребности. Любые.

Меган встречалась с Ли Шекетом раз шесть, и тот Шекет нравился ей больше нынешнего. Нынешний развил в себе чрезмерную самоуверенность, подавив то, что донимало его

в юности: сомнение в себе и готовность подчиняться. Развитие Ли пошло совсем не в ту сторону, которая была бы симпатична Меган. Да и какое ей дело до него? Их недолгие отношения прекратились тринадцать лет назад. Ли исчез из ее личной жизни, оставшись деловым партнером Джейсона. Виделись они крайне редко. Между ними не было и не могло быть ничего серьезного. Меган так и не понимала цели этого странного разговора.

– Ли, это очень любезно с твоей стороны. Я ценю твою заботу, – сказала она, хотя его предложение было для нее не только необъяснимым, но и вызывающим тревогу. – Но Джейсон оставил нам достаточно средств. Страховка и другие выплаты. Мои картины постоянно продаются. Мы ни в чем не нуждаемся. Ни в чем.

– Когда твои доходы достигают сотни миллионов, возникает желание отдавать, – продолжал он. – Я постоянно думаю об этом. Я хочу, чтобы ты знала... ты и твой мальчик... Я хочу, чтобы вы оба знали. Я рядом, и ваша жизнь мне небезразлична. Я просто хочу, чтобы ты знала, что я здесь ради тебя. Мне не все равно. Я здесь.

И вновь Меган не знала, что ему ответить.

Ли и не догадывался, чем на самом деле вызвано напряженное молчание Меган. Он считал, что ошеломил ее, а потому продолжил свой торопливый монолог:

– Ты когда-нибудь бывала в Коста-Рике? Место просто сказочное. Голубое Карибское море. Никакого сравнения с

морем у побережья Калифорнии. Спокойное, как поверхность драгоценного камня. Сан-Хосе – столица Коста-Рики – современный, динамичный город. Доброжелательные люди. Потрясающая ночная жизнь. Сто миллионов в Коста-Рике – все равно что миллиард здесь. Бери выше: два или даже три миллиарда. Меган, я собираюсь в Коста-Рику. Довольно с меня этих крысиных бегов. Хочу расслабиться и наслаждаться жизнью. Жить по-настоящему, пока еще молод. Но когда ты один, все не так хорошо, как могло бы быть. Мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Ты и я, когда-то у нас неплохо начиналось. Честное слово. Правда, тогда я был слишком незрелым, думал только об успехе. Придурок, не понимавший своего счастья. Но я всегда сожалел, что мы расстались. Если ты дашь мне второй шанс, ты никогда не пожалеешь. Я сумею прекрасно позаботиться о тебе, Меган. О тебе и мальчике. Никто не позаботится о тебе лучше.

Меган подумала, не пьян ли он. А может, под кайфом? Говорил он очень быстро, но слова не комкал. Пьян он или нет, однако это внезапное предложение было иррациональным и предельно неуместным.

Раньше Меган попросту оборвала бы разговор, не задумываясь о вежливости, но милый Вуди научил ее терпению. Она тщательно обдумала ответ.

– Ли, я польщена, что за столько лет ты меня не забыл и столь высокого мнения обо мне. Вряд ли я этого заслуживаю. А незрелыми бывают не только молодые парни. Девуш-

ки тоже этим отличаются. Но нам с тобой не по двадцать лет. Я не одна. У меня есть Вуди. Он целиком зависит от меня. Вуди – мое главное сокровище и другого мне не надо. Я едва ли смогла бы увезти его в Коста-Рику. Даже поход в парикмахерскую его эмоционально изматывает, а после визита к зубному врачу он восстанавливается несколько дней. Боюсь, ты недопонимаешь, что значит особый ребенок и как сильно это меняет твою жизнь.

Каскад слов Ли сменился молчанием. Потом он сказал:

– Но это непременно должна быть Коста-Рика. Я все распланировал. Все подготовлено. Я уже ничего не могу изменить. Я мог бы включить в свой план тебя и твоего сына, но разработать новый план не могу. Ни сейчас, ни в будущем... Дай мне шанс. Меган, просто скажи, что подумаешь об этом. У тебя достаточно времени: остаток дня, вечер, ночь. Подумай хорошенько, а завтра позвони мне. Пожалуйста, позвони мне завтра.

Он продиктовал ей свой номер. Меган записала без намерения звонить.

– Ли, боюсь, наше время прошло. Для меня сейчас лучший вариант – тот, который больше всего подходит Вуди. И это явно не Коста-Рика. Ты построишь себе жизнь, которой будут завидовать. Не сомневаюсь, что ты найдешь женщину, готовую разделить эту жизнь с тобой. Ты заслуживаешь счастья. Большого счастья, чем жизнь со мной.

Ли снова начал ей докучать, и тогда, чтобы прекратить

этот изматывающий разговор, Меган прибегла ко лжи. Сказала, что слышит крики Вуди и должна вмешаться, поскольку у него опять вспышка неконтролируемого поведения. На самом деле у Вуди никогда не было подобных вспышек.

Повесив трубку, Меган вернулась к прерванной работе. Сценой для ее картины служил задний двор их дома. Время – раннее утро, где-то около четырех часов утра. Вся сцена освещалась исключительно лунным светом. Странное свечение было метафорой света в сердце мира, невидимого света, присутствующего во всем. И хотя Меган изобразила лунные блики вполне реалистично, они были чуть-чуть преувеличены так, чтобы тончайшие отражения лунного света казались исходящими как бы из самих деталей композиции: ломтиков яблока в руке мальчика, его лица, мягких шкур трех оленей и белых цветков яблони. И над всем этим нависал темный лес.

Меган твердо знала, что после наступления темноты Вуди никогда не отваживался выходить во двор один. Он примаанивал оленей к ступенькам крыльца и там кормил их с ладони. Для большего правдоподобия художнику иногда приходилось изображать все несколько не так, как это было на самом деле.

Подумав об этом, Меган снова вспомнила о звонке Ли Шекета. Зачем он звонил?

Она так и не смогла понять причину его звонка.

Безмятежное состояние ушло. Чувствуя, что она все рав-

но не сможет работать, Меган опустила кисть в банку со скипидаром.

Она подошла к высоким стеклянным дверям, окаймленным с обеих сторон окнами. Все вместе давало прекрасное северное освещение. За окнами тоже был двор, но боковой. И лес здесь подходил к дому ближе, чем на заднем дворе.

Если самовлюбленный человек вроде Шекета выпал из-под власти босса с сотней миллионов долларов, он ни при каких обстоятельствах не стал бы предаваться меланхолии, вздыхать и грустить о минувших днях и о том, что могло бы произойти, но не произошло. Он бы купил себе все, что хочет, будь то «феррари» или длинноногая грудастая конфетка.

Скорее всего, он действительно был пьян. Там, откуда он звонил, часы показывали не половину четвертого, а намного больше. А может, он начал еще с утра.

Ли был не из тех, кто способен говорить искренне, от сердца. Он лишь высказывал мнение, незыблемое для него, или говорил об амбициях, которые обязательно осуществляются. Он никогда не любил Меган, его интересовал только секс с ней. Когда из него выветрится алкоголь, он пожалеет об этом звонке. Вряд ли он снова ей позвонит, а если и позвонит, Меган не возьмет трубку.

Освещенность в мастерской изменилась, и причиной был не только приближавшийся вечер. Небо стало затягиваться светло-серыми чешуйчатыми облаками, меняя синюю небес-

ную «кожу» на подобие змеиной.

Как всегда, день обладал своей магией, хотя и не той, какая требовалась Меган для достоверного изображения Вуди и оленей.

По понедельникам, средам и пятницам в доме появлялась Верна Брикит. Она не только занималась уборкой, но и готовила еду, которую затем Меган могла разогреть на обед. Сейчас Верна находилась в кухне и совсем не возражала против помощницы и собеседницы, а Меган умела помочь и поддержать разговор.

Меган отмыла кисти, убрала краски и пошла мыть руки в ванную, примыкавшую к мастерской.

Подойдя к умывальнику, она привычно взглянула на себя в зеркало, что висело над раковиной. Оттуда на нее смотрела женщина с тревожными глазами. Внезапное возвращение Ли Шекета в жизнь Меган взбудоражило ее сильнее, чем ей хотелось бы.

От него всегда исходила какая-то темная энергия, о которой Меган тоже забыла, а теперь начинала вспоминать. Тогда он добивался от нее одного – интимной близости, и, подобно кукловоду, так тонко и умело дергал за ниточки, что она по молодости и наивности не сразу это почувствовала. Когда же до нее стало доходить, он сменил тактику, стал встречаться с другой. Как звали ту девицу? Кларисса? Да. Шекет использовал сексуальную доступность Клариссы, чтобы манипулировать Меган, и доманипулировался до того, что она

вытолкнула его из своей жизни.

Такое положение вещей устраивало ее и тогда, и сейчас. Меган отправилась в кухню – помогать Верне Брикит.

13

Через какое-то время Киппу захотелось пить. Утолить жажду было несложно.

Озеро Тахо считалось одним из самых глубоких и чистых озер мира. Вода в питавших его ручьях была прохладной, чистой и вполне пригодной для питья.

Утоляя жажду, Кипп следил за игрой плещущихся рыб. Ручьи, спешившие к озеру Тахо, кое-где разливались, образуя небольшие озерца, пронизываемые солнцем. В них-то и плескалась рыба.

Утолить голод оказалось куда сложнее.

Кипп был из породы охотничьих собак, однако сам никогда не охотился.

Исключение составляла «охота» на мяч, когда Дороти бросала мяч, а Кипп должен был отыскать его и принести хозяйке. Он тысячу раз находил мяч, но, разумеется, не ел.

На лугах хватало кроликов, щиплющих травку на солнце. Завидев Киппа, ушастые зверьки застывали в напряженной позе, притворялись невидимыми или в страхе разбегались.

Несколько кроликов опасливо покосились на него и продолжили щипать траву, словно почуяли, что этот пес их не

тронет.

Физически Кипп был достаточно силен. Семьдесят фунтов мышц и костей. Он и умственно тоже был силен.

А вот эмоционально... сострадание превалировало в нем над охотничьим инстинктом.

Природа установила свой порядок: имевшие острые зубы поедали плоскозубых, ибо сильные господствовали над слабыми.

Но он был псом с высокоразвитым интеллектом – не человек и не собака, а существо, застрявшее где-то посередине.

Интеллект способствовал развитию культуры, а культура – развитию этики.

Пребывая в облике собаки, душой Кипп был одновременно и собакой, и человеком. Так было задумано еще до его рождения.

Дороти воспринимала его как ребенка. Его культура и этика не отличались от ее собственных.

Некоторые люди могли убивать себе подобных в гневе, ради выгоды или просто для развлечения.

Ни Дороти, ни Кипп не могли опуститься до такого постыдного уровня.

Большинство людей могли убить, защищаясь. Мог бы и Кипп, дитя Дороти.

Но кролики ничем ему не угрожали. Белки и полевые мыши – тоже.

Кипп бежал по лугам и перелескам, изобиловавшим жи-

вым ланчем и обедом, а его голод только усиливался.

Казалось бы, когда голод станет невыносим, он мог бы убить какого-нибудь плоскозубого зверька, чтобы не умереть от голода самому. И потом, кролики и белки не принадлежали ни к человеческой породе, ни к собачьей.

Они не были его сородичами. Природа разрешала ему употреблять их в пищу. Они были дичью.

Человеческий уровень интеллекта, его благословение, в нынешних условиях становился почти что проклятием. Киппу было ведомо сострадание.

Милосердие. Жалость.

Очень обременительные качества.

Сострадание. Милосердие. Жалость.

В такие моменты обоняние становилось философской категорией.

Обоняние занимало центральное место в жизни собаки, превосходя человеческое в двадцать тысяч раз. В носу Киппа было сорок четыре мышцы, тогда как у людей – только четыре.

Обоняние передавало ему больше информации, чем пять человеческих чувств, вместе взятых. В его случае – слишком много информации.

Низшие животные черпали радость в самом факте их жизни. Их радость Кипп обонял столь же отчетливо, как запахи их помета, мускуса, дыхания и теплой крови.

Сострадание и милосердие против инстинкта выживания.

Люди частично решили эту проблему, отгородившись от тех, кем они питались, создав бойни и профессию мясника.

У Киппа не было кредитной карточки, чтобы расплатиться с мясником.

Положение, в котором он оказался, называлось «кризисом совести».

Его голод усиливался.

Обитая в собачьем теле и душой будучи наполовину собакой, он не спешил безостановочно на поиски мальчика и не торопился искать способы утоления голода.

Его отвлекло чисто собачье желание порезвиться.

Кипп заметил стайку бабочек. Он не пытался их уку-сить, а просто бежал за этими удивительными крылатыми со-зданиями, восхищаясь их воздушным танцем, не требовав-шим никаких усилий.

Где-то через полмили его внимание привлек воздушный шар, плывший над полем. Шар несколько утратил первоначальную форму, но внутри оболочки оставалось еще доста-точно гелия.

На поверхности шара краснела надпись: «ПОЗДРАВЛЯ-ЕМ».

Кипп погнался за шаром.

В складках оболочки угадывалась и вторая строчка: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ».

Такие шары Кипп уже видел. Однако этот удивил его странностью своего местонахождения.

Яркий, с зеркальной поверхностью майлар⁶, шар плыл над пустынным лугом, и это заворожило Киппа. Казалось, шар что-то значил.

Кипп бежал за шаром, подпрыгивал, чтобы ухватить зубами красную ленточку. Несколько раз он почти настигал ленточку, но зубы щелкали в воздухе. Раздосадованный, он подпрыгивал все выше и выше.

Увлеченный погоней, уступив потребностям своего «внутреннего щенка», Кипп вскоре понял, что его встреча с шаром действительно имела смысл.

На земле трепыхалась птичка. У нее было сломано крыло. Испуганная птаха выпучила глаза и безостановочно разевала клюв, но оттуда не вырывалось ни звука. Ужас и боль лишили ее способности щебетать.

Участь птички была предрешена. Рано или поздно она станет добычей ястреба, лисы или еще кого-то и ее съедят живьем.

Кипп остановился и задумался. «Прости меня, малыш». Передней лапой он надавил на шею птички и услышал хруст сломанных позвонков.

Когда люди ходили в театр на трагедию, в пьесе какой-нибудь выдающийся человек бросался вниз со скалы, сокрушенный судьбой или изъянами своего характера.

Кипп в театр не ходил. Комедии и трагедии они с Дороти смотрели по телевизору.

⁶ *Майлар* — сорт лавсановой ткани.

Вряд ли у этой птички были изъяны характера. Однако птицы, как и все маленькие существа, ежедневно играли свои роли в трагедиях.

В этом прекрасном, но жестоком мире судьба не щадила никого.

Птичка была упитанной. Под перьями ощущалось плотненькое тельце.

Кипп отвернулся, не притронувшись к ней. У него не было вкуса к трагедиям.

Он пробежал чуть менее мили и вдруг поймал знакомый соблазнительный запах. Запах гамбургеров, жарившихся на гриле. Там жарились и франкфур-теры.

Направляемый запахами, Кипп помчался к стене деревьев, миновал хвойный лесок и выбежал на широкую поляну, где стояли разноцветные палатки и небольшие трейлеры.

Люди. Взрослые и дети.

У него была тысяча способов и уловок завладеть их вниманием и понравиться им. Здесь его обязательно накормят.

Голод заставил его забыть, что далеко не все люди являются хорошими. На сотню добрых человек обязательно найдется кто-то со злыми намерениями.

Шекет звонит ей со стоянки мотеля, находящегося в окрестностях городка Траки, штат Калифорния, к северу от

озера Тахо. Он изливает ей душу, признаётся, что допустил ошибку, не ухаживая за ней так, как она этого заслуживала. Он предлагает ей новую удивительную жизнь в Коста-Рике. Поначалу ему кажется, что она рада его звонку. Судя по ее тону, она сожалеет, что не отдалась ему тогда. Ведь если бы она забеременела не от вероломного Джейсона, а от него, не было бы никакого Вуди, этого умственно отсталого немого мальчишки, изматывающего ее день за днем. У них с Меган родился бы замечательный сын, красивый и необычайно смысленый, которым они бы гордились. Да, поначалу ему кажется, что она нуждается в его внимании и заботе и он достиг желаемой цели.

Но затем в ее голосе появляется высокомерие, надменность, которые ему вовсе не нравятся. Он не заслуживает и не потерпит разговора с ним в таком тоне. «Боюсь, ты недопонимаешь, что значит особый ребенок и как сильно это меняет твою жизнь». Она что, считает его дураком? Будто он не знает, как малолетний немой идиот способен испоганить ей жизнь! «Ли, боюсь, наше время прошло». Можно подумать, ее пороги обивают двадцать молодцов и у каждого по сотне миллионов баксов. Можно подумать, у них вообще было время. Их время никак не могло пройти, поскольку она не давала ему шанса уложить ее в постель и показать, чего она все это время лишалась по собственной глупости. «Для меня сейчас лучший вариант – тот, который больше всего подходит Вуди. И это явно не Коста-Рика». Неужто она не по-

нимает, что сейчас швырнется в него дерьмом? Эту вонь он ощущает даже по телефону. Смысл этой заковыристой фразы совсем другой: тупоголовый мальчишка, не способный даже говорить, интересуется ее больше, нежели Ли Шекет, а застойная жизнь в дыре вроде Пайнхейвена для нее предпочтительнее белых пляжей голубого Карибского моря и насыщенной жизни, если все это связано с Ли Шекетом.

Чем больше он злится на Меган, тем голоднее становится. Он еще никогда не испытывал столь острого, нечеловеческого голода. Пять часов назад, проезжая через Бишоп, он остановился, чтобы поесть в заведении, которое какой-то безмозглый идиот оценил на три звезды. Тамошние повара даже не смогли приготовить ему гамбургер по его вкусу. Ли дважды отказывался есть их стряпню, пытаясь заставить их понять, что он имеет в виду, говоря об «особом» гамбургере. Третий гамбургер тоже оказался никудышным. На этот раз возражения Ли выслушивала уже не официантка, а управляющий.

– Сэр, как мне думается, в качестве начинки гамбургера вы хотите стейк тартар. К сожалению, в нашем ресторане такие стейки не готовят. Мелко нарезанная полусырая говядина вредна для здоровья, и потому таких блюд у нас нет.

Шекету хочется схватить нож и вилку, располосовать этого паршивца и показать, какое мясо он называет «особым». Но вместо этого он заказывает еще два гамбургера, которые ничем не лучше прежних. Он съедает все три, но только бу-

лочку, не притрагиваясь к жареной картошке. Поев, он платит точно по счету, без чаевых.

По пути к выходу все та же официантка улыбается ему и желает удачного дня. Ли она напоминает его неуравновешенную мать, которая отказывалась принимать прописанные врачом таблетки, которая могла ударить его и рассечь губу или оттаскать за волосы так, что он начинал вопить от боли. А потом еще и уверяла, будто любит его больше жизни. В этот момент официантка становится воплощением его матери, и Шекет решает поквитаться с нею за прошлое.

– Вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на актрису Райли Кио? – спрашивает он.

На вид официантке лет двадцать пять. Услышав вопрос, она застенчиво краснеет.

– Она великолепна. Но я не побегу к зеркалу. Боюсь разочароваться.

– Вот и умница, – отвечает он. – Потому что я вам соврал. У вас лицо – как морда крысы из сточной канавы. Любой парень, решившийся вас трахнуть, потом захочет покончить жизнь самоубийством. – Милая улыбка на лице официантки превращается в гримасу неподдельной злости. – Удачного дня, – говорит ей Ли и уходит.

Он давно знал, что жестокость является разновидностью силы, но только сейчас добавил это оружие в свой арсенал.

Ли опять зверски хочется есть. В мотеле, где он остановился, есть закусовая, но идти туда нет желания. Опять по-

дадут какую-нибудь дрянь. И потом, он слишком зол на Меган, эту разборчивую суку. Думает, что она слишком хороша для него. Если в таком злобном настроении он явится в закусочную, его злость выплеснется на официантку или на кого-то еще, еда покажется зловонной и разразится скандал. Хотя его водительское удостоверение и выдано на имя Натана Палмера, нельзя забывать, что он никакой не Палмер, а Ли Шекет – бывший генеральный директор корпорации «Рефайн», находящийся в бегах после известных событий в Спрингвилле. Да, внешность он сменил, но лучше не делать ошибок и не привлекать к себе внимания.

Он поест, когда приедет к Меган. Она приготовит еду так, как ему хочется. Она все сделает так, как ему хочется. Теперь он понимает, какую ошибку совершил тринадцать лет назад. Он был слишком любезен с ней, слишком предупредителен по части ее чувств. Любезность и предупредительность заведут тебя в никуда, когда имеешь дело с такой ледяной сухой-королевой, как Меган Букмен Грассли. Он даст ей все, чего она хочет и заслуживает, но она не знает, чего хочет. И когда она будет умолять, прося еще, он бросит ее, оставив в дерьмовом Пайнхейвене, и отправится в Коста-Рику.

До Меган ехать миль девяносто. Он доберется туда еще за светло. Они встретятся как старые друзья, поговорят о прошлом. А потом он сделает с ней то, что не решался сделать тринадцать лет назад. «Ли, боюсь, наше время прошло». Она узнает, что не прошло. Он повернет время вспять,

и оно вновь станет их временем. «Боюсь, ты недопонимаешь, что значит особый ребенок и как сильно это меняет твою жизнь». Он покажет этой суке, чего она на самом деле должна бояться. Он также покажет ей, что ее изменившаяся жизнь может измениться снова, и к лучшему, достаточно лишь перерезать горло ее маленькому немому придурку.

Он запускает двигатель, и «додж-демон» выезжает со стоянки на федеральное шоссе 80 и движется на запад. Через двадцать четыре мили он свернет на штатное шоссе 20. Всю жизнь он был мишенью для несправедливости, чем-то вроде одноразовой салфетки, которую можно использовать и выбросить. Козлом отпущения для всех, начиная с Дориана Перселла и кончая Джейсоном Букменом и горячей Меган Грассли. Но с прежней жизнью покончено. Он чувствует свою нарастающую силу. Он становится новым Ли Шекетом. Становится тем, кому нельзя отказать, кому не надо играть по каким-либо правилам, кто всегда получает то, что хочет. Тем, кого мир еще не видел. Особым. Единственным в своем роде.

15

Роза Леон проработала у Дороти полтора года. Все это время Дороти боролась с раком. Роза была не просто нанятой сиделкой. Она полюбила Дороти как свою мать. Естественно, она считала себя обязанной присутствовать при

кремации. Роза провела в похоронном бюро несколько часов и получила урну, еще теплую от пепла.

Урну она привезла в просторный старый дом, принадлежавший Дороти, и поставила на каминную полку в гостиной. Согласно распоряжению владелицы она проведет здесь еще месяц, живя в гостевой комнате. За этот месяц Роза должна будет организовать поминальную службу и заказать угощение в любимом ресторане Дороти.

«Роза, это не должно быть скучным действием, где все сидят с вытянутыми лицами. Я хочу праздника. Соберутся старые друзья, чтобы поделиться добрыми воспоминаниями. Побольше смеха и никаких слез. Веселая музыка. Открытый бар. Пусть все поднимут тост за меня в моей новой жизни».

При Дороти ее прекрасный дом в викторианском стиле всегда был теплым и уютным. Сейчас он показался Розе громадным и холодным. Весь этот печальный день она сохраняла профессиональную выдержку, но сейчас, глядя на урну, больше не могла сдерживать слезы.

В нелегкой Розиной жизни Дороти Хаммел подарила ей первый опыт нежности. Маляр Гектор Леон бросил свою жену Элин, когда Розе было всего три года. Постоянно оскорбляя и упрекая дочь, Элин убедила Розу, что та была нежеланным ребенком, плодом изнасилования и вынужденного брака, хотя многочисленные факты свидетельствовали об обратном. Никакого изнасилования не было. Пусть и недолго, но когда-то ее родители любили друг друга. Когда Розе испол-

нилось шестнадцать, она разыскала отца и приехала к нему. Она просила у него не денег – только немного отцовской любви, на которую вправе рассчитывать любой ребенок. Однако у Гектора не нашлось для нее ничего. Он заявил, что Элин была величайшей ошибкой его жизни, а Розу назвал «ошибкой ошибки», запретив вновь у него появляться. Жил Гектор в старом бунгало, требовавшем ремонта. Придя к отцу в девять утра, Роза увидела у него на столе бутылку виски, которое он мешал с пивом. Судя по всему, Гектор не утруждал себя работой, зато усердствовал с возлияниями. Возможно, жизнь без такого отца была благословением, но тогда отцовские слова «Ты мне не нужна» больно ударили по Розе.

Учась в средней школе, она по выходным подрабатывала в ресторане, шинкуя овощи для повара и делая все, что ни попросят. Затем получила стипендию для учебы в школе медсестер. Все, что не покрывала стипендия, приходилось оплачивать из своих сбережений. Роза обнаружила, что ей нравится ухаживать за больными. Вскоре она специализировалась на домашнем уходе за пациентами. У нее были подруги, хотя и не особо близкие, поскольку она вечно была занята на работе. Мужчин, относящихся к ней с уважением, она не встречала, а один повел себя столь отвратительно, что она стала побаиваться общения с ними.

В возрасте тридцати четырех лет Роза устроилась на работу к Дороти и оказалась в атмосфере удивительной доброты. Та, в чьи обязанности входила забота о пациентах, вдруг по-

чувствовала себя окруженной заботой хозяйки дома. Пациентка стала ее врачевательницей. Дороти увидела в Розе раненую птицу, которая выпала из гнезда раньше, чем научилась летать. Если кто и мог научить сокрушенную душу Розы вновь устремиться к небесам, так только Дороти Хаммел. У Розы не было привычки читать для собственного удовольствия, в то время как Дороти, казалось, прочла все. Тогда Дороти стала просить, чтобы Роза читала ей вслух. Месяц за месяцем литература открывала Розе правду иной жизни и давала надежду на эту новую жизнь. После полутора лет жизни в доме Дороти Роза окрепла душой. Теперь она имела более четкое представление о себе.

Если бы Дороти прожила еще полтора года.

Но этого не случилось. Дороти покинула мир живых.

Она умерла, не успев завершить исцеление Розиной души. Теперь эта задача лежала на самой Розе.

Она вытерла глаза, отвернулась от урны и подумала: «Но я же не одна. У меня есть Кипп. Я буду заботиться о нем, а он – обо мне, как прежде заботился о Дороти. Вот и займемся обоюдным исцелением душ».

К собаке Дороти относилась как к своему ребенку. Связь между ними была крепче связи между домашним питомцем и владелицей. Слыша эти слова, Дороти всегда морщилась. «Я не его владелица, – говорила она. – Я опекун Киппа, а он мой опекун». В их отношениях было нечто мистическое, о чем Дороги часто упоминала вскользь. Накануне кончины

она сказала: когда ее не станет и Кипп перейдет под опеку Розы, та получит некое откровение. «Возможно, мой дух будет наблюдать за происходящим», – пообещала Дороти.

Но куда подевался Кипп? Он входил и выходил через дверцу, сделанную для него в задней двери, и никогда не убежал дальше двора. Должно быть, спрятался где-то в доме. Раньше он обязательно бы выбежал, чтобы поздороваться с ней. На золотистой собачьей морде играла бы улыбка, а глаза сияли от радости. Сегодня ему не до улыбок. Наверное, забился в укромный угол и по-своему, по-собачьи скорбит об умершей хозяйке.

Роза вышла из гостиной в коридор, заглянула в столовую, окликаая Киппа. Но он не появился, и она перестала его искать. Она помнила, как жалобно он скулил в ночь ухода Дороти. Он был на редкость восприимчивым псом. Кипп знал, что Роза дома. Когда горе немного отпустит его, он появится.

Роза остановилась у двери библиотеки. Напротив темнела дверь кабинета Дороти. За полтора года работы и жизни в этом удивительном доме Роза ни разу не видела ее открытой. Миссис Чамплейн, трижды в неделю приходившая убирать, никогда не переступала порога кабинета. Всю уборку там Дороти делала сама... вплоть до недавнего времени, когда полтора месяца назад она слегла. Розе вспомнились ее слова:

«Роза, дорогая, конечно же, я целиком доверяю и вам, и миссис Чамплейн, но кабинет – моя сокровенная террито-

рия. Место, где я храню свои темные секреты. Можете считать меня глупой, избалованной старухой, прожившей безбедную жизнь. Могут ли быть у меня секреты темнее, чем кража тюбика губной помады в шестнадцать лет? Однако смею вас уверить: когда-то моя жизнь имела свою темную, необузданную сторону. Если вы мне не верите, то хотя бы сделайте одолжение и допустите на один процент, что я не всегда была такой занудой, как сейчас. Относитесь к моему кабинету так, словно мы находимся в романе Дафны Дюморье, а этот дом – версия Мандерли, существующая в параллельной вселенной. Представьте, что за закрытой дверью я храню мумифицированный труп Ребекки или миссис Дэнверс... а может, их обеих, поскольку не хочу надолго угодить в тюрьму».

Роза достала из кармана брюк ключ от кабинета. Дороти отдала ей ключ за десять часов до своей кончины и велела зайти туда после завершения всех похоронных формальностей. Дороти не сказала, что именно ждет Розу в кабинете, велел лишь посмотреть несколько видеофайлов на своем компьютере.

Роза знала, что не найдет там никаких мумифицированных или иных трупов, однако не торопилась открывать дверь. Если там действительно хранились какие-то секреты, способные изменить ее мнение о Дороти, Роза Леон не хотела их знать. Вплоть до знакомства с Дороти она в одиночку боролась с жизнью. Людей, вызывающих ее восхищение,

можно было пересчитать по пальцам, но никто из них не достигаивал до Дороти. Если же у вдовы Артура Хаммела и была какая-то темная сторона (в чем Роза продолжала сомневаться), что-то постыдное, Роза знала: столкновение с этим будет равнозначно стреле, пущенной ей в грудь.

Но ведь она обещала Дороти посмотреть файлы на компьютере. Сердце подсказывало: она поступает правильно. Если пообещала, обещание надо выполнять.

Роза отперла дверь и вошла в кабинет.

Он сразу же поразил ее своими размерами: футов двадцать шесть на тридцать. Из высоких окон открывался вид на знаменитое озеро, к которому каскадами спускались сосны.

Справа стоял антикварный бидермайерский письменный стол, крупный даже для мебели того периода. За ним вдоль стены тянулась столешница, шириной не уступавшая столу. Там стояли компьютер, принтер, сканер и другое оборудование.

Середину кабинета занимал бидермайерский диван и два кресла в стиле ар-деко. Между креслами стоял большой кофейный стол, стилизованный под китайскую лежанку кан. Стол украшала коллекция старинных японских бронзовых ваз. Дороти и Артур имели эклектичные вкусы и обладали несомненным талантом гармонично соединять разные стили и эпохи.

Больше всего Розу удивил алфавит, нарисованный на левой стене: двадцать шесть черных букв высотой в фут, вы-

веденных через трафарет на белом фоне. С буквами соседствовали знаки препинания и символы вроде &, %, + и =. На полу перед стеной стояло невысокое устройство, назначение которого было непонятно Розе.

Обойдя стол, она уселась в офисное кресло, развернув его к монитору. Затем включила компьютер.

За полтора месяца, с тех пор как Дороти перестала появляться в кабинете, на всем скопился тонкий слой пыли. Однако компьютер работал.

Роза ввела пароль, сообщенный ей Дороти: Lovearthur.

Видео хранились в отдельной папке. Кликнув по ней, Роза увидела ряд пронумерованных видеофайлов.

Роза открыла первый файл... Оттуда на нее смотрела живая и внешне вполне здоровая Дороти. Такой хозяйка кабинета была месяцев десять или год назад. Дороти сидела перед компьютером.

«Приветствую вас, Роза Рейчел Леон, моя драгоценная девочка, – произнесла Дороти, глядя в камеру. – Мне посчастливилось найти вас, когда я оказалась в беде. Я говорю „посчастливилось“ не только потому, что вы превосходная сиделка и помощница. Вы – честный, этичный человек, умеющий быть по-настоящему сострадательным. Вы скромны, что тоже встречается редко в этом мире гордыни и эгоизма. Скажу больше, вы намного умнее, чем думаете».

Роза покраснела, будто ее хвалила живая Дороти. Глаза вновь наполнились слезами. Она потянулась за бумажным

платком и вытерла глаза.

«В течение сорока восьми часов после моей смерти с вами встретится Роджер Остин. Как вам известно, он мой адвокат. Он сообщит вам, что я сделала вас своей единственной наследницей».

Для Розы это было неожиданностью. Услышанное казалось ей сном. Она замотала головой, словно хотела возразить Дороти, чтобы потом, проснувшись, не разочароваться.

«Закон запрещает работнику хосписа получать наследство от пациента. Поэтому спустя пять месяцев вашей работы у меня, когда я узнала ваше сердце, мы изменили ваш статус, сделав вас компаньонкой-правопреемницей. Все было сделано с железной юридической точностью, исключая отмену моего завещания. Впрочем, оспаривать некому. Родственников у меня не осталось».

Розу охватила нервозная потребность двигаться, чем-нибудь заняться, чтобы погасить внезапный всплеск энергии. Однако ее ноги настолько ослабли, что, едва встав с кресла, она была вынуждена снова сесть.

«После уплаты налогов, – продолжала Дороти, – вы вступите во владение этим домом со всем его имуществом и ликвидными активами в сумме двенадцать миллионов долларов».

– Я этого не заслуживаю, – заявила Роза, словно женщина на экране могла ее услышать и изменить свое решение. – Я провела с вами каких-то полтора года.

Дороти сделала паузу, словно предвидела, что в этот момент Роза начнет возражать своей благодетельнице. На ее губах играла озорная улыбка.

«Девочка моя, как бы я хотела оказаться здесь и увидеть ваше лицо. Знаю, поначалу вы испытаете замешательство и даже страх. Не бойтесь. Роджер Остин и мой бухгалтер Шейла Голдмен – хорошие люди. Они дадут вам толковые советы по части инвестиций. А со временем – я в этом не сомневаюсь, поскольку успела вас узнать, – вы научитесь решать такие вопросы самостоятельно».

– Никогда, – дрожащим голосом возразила Роза.

«Обязательно научитесь, – снова улыбнувшись, подтвердила Дороти. – А сейчас вас ждет второй сюрприз, значительно превосходящий первый. Простите за некоторую грубость, дитя мое, но этот сюрприз будет равнозначен пинку под зад. Вы готовы?»

– Нет.

Уперев руки в стол и подвинувшись ближе к камере, Дороти понизила голос и заговорила с предельной серьезностью, что гипнотически подействовало на Розу.

«Как вы знаете, Кипп – смысленный пес. Но он гораздо умнее, чем вы думаете. Он – тайна, настоящее чудо. И он такой в мире не один. Есть и другие. Свое сообщество они называют Мистериум. Могу предположить, что Кипп – продукт генной инженерии. Должно быть, в его роду были лабораторные собаки, над которыми проводились радикальные

эксперименты. Этим собакам удалось сбежать. Дорогая Роза, по уровню интеллекта Кипп не уступает нам с вами. Он – сокровище, которое нужно беречь. Вы должны стать его хранительницей. После того как вы посмотрите другие файлы, когда собственными глазами увидите, как Кипп общается со мной с помощью алфавита на стене кабинета, вы не только мне поверите. Я уверена, вы почувствуете, что нашли свое жизненное предназначение».

Роза повернулась к черным буквам на противоположной стене. За спиной слышался голос Дороти:

«С тех пор как я была маленькой девочкой, а это было очень давно, меня не покидало странное чувство, которое обитает в самом глубинном и потаенном уголке моего сердца. Я думаю, что у вас было такое же странное чувство и вы, как и я, считаете, что глупо говорить об этом».

Приятный холодок пробежал по затылку Розы. Она смотрела через большие окна на ярусы леса, спускавшиеся к озеру. В предвечернем свете весь пейзаж приобрел мистические черты. Казалось, она видит горное озеро в ином мире, озеро, в глубинах которого жило нечто, породившее легенду.

«Роза, я всю жизнь прожила с ощущением того, что в мире есть тайная магия и что жизнь – нечто большее, чем то, что могут открыть нам наши пять чувств. Я верила в чудеса и знала: однажды такое чудо случится и со мной».

Такое чувство могло появиться и у женщины, выросшей в бедности и не знавшей любви. Возможно, именно у подоб-

ной женщины оно и могло появиться, ведь у нее не было иных надежд, кроме тех, что она черпала из своего воображения.

«Жизнь способна выдавить из нас это чувство, если мы только позволим, – продолжала Дороти. – Но я никогда не позволяла и была вознаграждена. Роза, однажды чудо само пришло ко мне на четырех лапах».

16

Он был везучим псом.

Территория кемпинга была полна детей всех возрастов. Они бегали и прыгали. Кипп знал, как малыши и ребята постарше любят тайком брать со стола еду и подкармливать собак.

Вскоре он убедился, что ему несказанно повезло. Кроме него, вокруг не было ни одной собаки, которую дети могли бы кормить. Дети подбрасывали мячи, запускали пластмассовые летающие тарелки, но никто из четвероногих не включался в их игру.

Еду еще не все начали готовить. Немного рановато для ужина.

Но двое мужчин уже стояли у портативных мангалов. В воздухе пахло тлеющими древесными углями.

Один из поваров мариновал стейки в глубокой кастрюле. Он только начал разжигать мангал.

Мужчина был худощавым. Его тело покрывал коричневый загар. Волосы были зачесаны назад. На его футболке красовалась надпись: «Вилку прочь». Чуть выше надписи было изображение трехзубой вилки с отогнутыми боковыми зубьями. Прямым оставался только средний.

Этот человек не показался Киппу дружелюбным. От него пахло завистью и злостью.

У второго на газовом гриле с шипением жарились толстые котлетки для гамбургеров, а рядом раздувались, исторгая соблазнительный аромат, франкфуртеры.

Кипп выбрал второго повара и сел рядом с ним.

Он сидел, водя по земле хвостом, наострив, насколько позволяло их строение, свои висячие уши, задрав голову и всем видом изображая симпатичного пса.

Хотя Кипп и не признавался себе в этом, таким актерским мастерством, как у него, обладали очень немногие собаки.

Собакам несвойственно бахвальство, но ложной скромностью они тоже не отличаются. Все так, как есть, не больше и не меньше.

Второй повар был из тех, кто разговаривает с животными. Конечно, не на уровне доктора Дулиттла. Он не умел вести с ними диалог. Но Киппу он понравился.

От него пахло добротой, и на нем не было футболки с грубой надписью. Киппа он называл «дружище».

– В детстве у меня был такой же пес, как ты. – Кипп не вильнул хвостом, а ударил им по земле. – Дружище, ты никак

потерялся?

Кипп перестал ударять хвостом.

Положение потеряшки вызывало к нему больше симпатии и повышало вероятность, что его накормят.

Но ведь он не потерялся. Он знал, куда держит путь. Провод по-прежнему доносил бормотания того мальчика, и они вели Киппа.

Если бы он заскулил и проделал иные кинематографические трюки, свойственные потерявшимся собакам, это было бы ложью.

В Мистериуме не лгали людям, от которых пахло добротой. Это не было заповедью, но считалось вполне серьезным протоколом.

Обманывать людей, пахнущих злостью или завистью, было оправданным, поскольку от них исходила опасность. Обмануть их могло быть вопросом выживания.

– Так ты голоден, приятель?

Кипп еще сильнее ударил хвостом по земле.

Человек, от которого пахло добротой, и без ложного поскуливания понял: перед ним голодный, потерявшийся пес.

– Сейчас я тебя угощу. – Он поддел щипцами и выложил на бумажную тарелочку большую, почти готовую котлету для гамбургера, а рядом положил аппетитный франкфуртер. – Когда остынет, можешь есть. – Теперь Кипп мог бы и поскулить в знак благодарности. Его спаситель наклонился, осмотрел ошейник и сказал: – Ни имени, ни телефонного

номера. Может, тебе вживлен чип?

Никакого чипа у Киппа не было. В пряжке его ошейника находился GPS-навигатор с маленькой литиевой батареей.

Дороти не боялась, что он убежит. Но она опасалась, что его могут похитить.

Перевернув несколько котлеток, добрый человек нарезал угощение Киппа на мелкие кусочки, чтобы мясо поскорее остыло.

К ближайшему столу для пикников подошла женщина, ведя четверых детей. Два мальчика и две девочки были похожи на нее и доброго человека. Их щенята.

На столе стояла большая миска с картофельным салатом и другая, с салатом из пасты. От обеих мисок и коробки с картофельными чипсами изумительно пахло.

Женщина переложила готовые котлетки и франкфуртеры на тарелку. Дети весело принялись делать сэндвичи. Кипп понял, что попал в счастливое место.

Добрый человек опустил бумажную тарелку на землю. Мясо успело остыть, и Кипп с удовольствием съел угощение.

Он не стал скулить и просить добавки. С его стороны это было бы неблагодарностью.

Дети за столом ели вовсю. Нужно просто держаться поблизости, и ему еще что-нибудь перепадет.

Однако нужно быть внимательным и не съесть слишком много, иначе ему станет плохо. Придется проявить собачью силу воли, поскольку все, что он видел, было очень вкусным.

Киппу стало совсем хорошо. Его накормили. От всего семейства за столом пахло добротой и спокойствием. Никакой злости, зависти и других неприятных запахов.

А потом за спиной Киппа появился Ненавистник, которого он учуял слишком поздно.

Ненавистник прицепил к ошейнику Киппа поводок.

– Ваша собака? – спросил он у доброго человека.

– Похоже, пес заблудился. Мы собирались взять его домой.

– Размещаться с собаками на территории кемпинга запрещено, – заявил Ненавистник. – Псу нельзя здесь находиться. Я забираю его с собой.

Его одежда напоминала униформу: рубашка цвета хаки и такие же брюки.

– Мы уезжаем послезавтра и с удовольствием увезем его, – сказал добрый человек.

– К тому времени его здесь не будет, – ответил Ненавистник.

Он дернул поводок, показывая Киппу, что главный здесь он, и пошел через территорию кемпинга к домику, где находилась его контора.

Кипп не пытался сопротивляться. Ненавистник был не из добрых людей. Отойдя подальше, он вполне мог наказать Киппа за неповиновение.

Запах ненависти был более сильным и пугающим, чем любой другой запах, не считая тех, что соответствовали психи-

чески нездоровым людям.

Иногда от человека пахло одновременно ненавистью и безумием. От этого пахло только ненавистью.

Кипп пока не знал, что ненавидит этот человек и насколько сильно, а от такого знания зависела его свобода. Ненавистник мог оказаться хитрым и ловким, тогда от него так просто не сбежишь.

Ненавистники живут ради ненависти и распространения своей власти на тех, кого они ненавидят. Это поглощает все их внимание в любое время дня и ночи.

Контора помещалась в небольшой бревенчатой хижине, стоявшей в самом конце проезда, что тянулся от шоссе к кемпингу.

Киппу вовсе не хотелось туда идти.

Ошейник был слишком тугим – из него не вывернешься.

Кипп не кусался, за исключением самых чрезвычайных случаев. Это тоже было протоколом Мистериума и вполне оправданным.

Может, в конторе окажется еще кто-то, другой человек, не такой злой, как Ненавистник.

Они поднялись на крыльцо и вошли.

Никого. Кипп остался наедине с Ненавистником.

степенно угасает, прячась за пеленой серых облаков, гладких, как атласная обивка гроба. Облачность медленно опускается, словно тяжелая крышка. Дневной полумрак превращается в длинные угрюмые сумерки.

Он покидает федеральную трассу 80 и сворачивает на двухполосное штатное шоссе, которое тянется вдоль перелесков и лугов, то поднимаясь, то опускаясь. Он проезжает милю за милей, и лишь иногда вдали мелькают одинокие фермы. Вокруг деревьев сгущаются угрожающего вида тени. Полевые цветы позднего лета, когда-то яркие, теперь тлеют в полях подобно осколкам метеорита, распавшегося при вхождении в плотные слои земной атмосферы.

Неутолимый голод Шекета вызван не только потребностью в пище, но и потребностью в справедливости. Его голод обусловлен переходом от состояния жертвы, какой он был всегда, к еще непонятному, но удивительному преобразению, и он реально чувствует, что преобразается. В нем, как в бойлере с перегретым паром, нарастает давление – давление психологического характера, одновременно способствующее обострению его физических способностей. Он чувствует, как с каждым часом делается сильнее. Его зрение становится четче, а слух – тоньше.

Состояние, испытываемое им, отчасти связано с катастрофой в Спрингвилле. Там велись исследования, направленные на значительное увеличение продолжительности человеческой жизни. Эксперименты щедро финансировались и

были по настоянию Дориана Перселла сосредоточены преимущественно на археях – третьем домене животной жизни. К первому домену относятся эукариоты, включающие людей и все остальные высокоразвитые организмы. Второй домен занимают бактерии. Микроскопических архей, не имеющих ядра, долгое время считали разновидностью бактерий. Но археи обладают удивительными способностями, среди которых не последнее место занимает способность осуществлять горизонтальную передачу генов. Родители передают свои гены потомству вертикально. Археи переносят генетический материал горизонтально, от одного вида к другому. Ученые только-только начинали понимать их таинственную роль в развитии жизни на Земле. Возможно, лишь безумцы могли искать способы подчинить их своей воле и запрячь в работу по совершенствованию человеческого генома и продлению жизни.

Если прежде происшедшее в Спрингвилле виделось Шекету катастрофой, сейчас он начинает думать, а так ли это? А вдруг результат прямо противоположный? Да, по чьей-то небрежности или недосмотру герметичность в одной или нескольких лабораторий оказалась нарушенной. Возможно, сам Шекет вдохнул сотни миллиардов (если не триллионов) запрограммированных архей, переносящих гены долголетия от разных видов. Но считать это экзистенциальным кризисом ошибка. Однако кто-то из главных ученых шишек – а может, и Дориан – усмотрел в этом катастрофу и задейство-

вал программу безопасности, в результате чего весь комплекс был отрезан от внешнего мира и сожжен дотла.

Спасти удалось одному Шекету. Он нарушил протоколы и не стал, как положено капитану, тонуть вместе с кораблем. Плевать ему на протоколы. Он поступил правильно, правильно для себя. Спрингвилл он покидал в панике, но потом у него было достаточно времени, чтобы пересмотреть последствия случившегося и сделать выводы.

Впервые в жизни он ощущает себя свободным. Свободным. Он чувствует, как внутри его растет изумительная сила, вызывающая благоговейный трепет. Его будоражит новая уверенность в себе. Покинув Юту, проехав через Неваду и направляясь теперь на запад, к горам Калифорнии, он фактически оставил позади себя не только территории нескольких штатов. Он чувствует, что вырвался за пределы человечества. Вдруг археи с их горизонтальным переносом генов сейчас воздействуют на его геном, вычеркивая оттуда программу смертности? Что, если катастрофа в Спрингвилле была никакой не катастрофой, а большим, пусть и случайным, успехом, все плоды которого достались ему одному? Шекету приятно испытывать презрение ко всем, кому он когда-то хотел угодить. Он преображается, становится кем-то высшим. Ему не терпится проверить это и начать делать все, что хочется, со всеми, с кем хочется, начиная с Меган Букмен – этой ледяной суки-королевы, которую надо научить покорности. И он будет управлять ею.

Может, ему даже не обязательно ждать, пока он встретится с Меган. Преображение, происходящее с ним, уже дало ему силу делать все, что он пожелает. Впереди он замечает машину, стоящую на широкой правой обочине. Владелец меняет заднее правое колесо. Рядом с ним стоит молодая женщина и наблюдает за работой. Она одета в шорты и топ на бретельках. Симпатяжка, что видно даже издалека. В прежней жизни Шекету постоянно встречались женщины, которых он хотел, но не мог заполучить; женщины, смотревшие на него без всякого интереса, а то и с презрением. И эта из таких же. Она похожа на них всех.

Шекет замедляет ход и останавливается позади машины. Это черный «шелби-суперснейк» – до жути навороченный автомобиль ценой не менее ста двадцати пяти тысяч долларов. Новенький, словно только что из демонстрационного зала.

Шекет выходит и с улыбкой доброго самаритянина спрашивает:

– Вам помочь?

– Пустяки, – отвечает мужчина, сидящий на корточках и орудующий баллонным ключом. – Колесо спустило. Я уже почти установил запаску.

– Ваш красавчик, случайно, не «шелби»?

– «Суперснейк», прошлогодняя модель, – с гордостью отвечает придуток.

Шоссе пустынно. Ни одной машины в обоих направлени-

ях.

– Мощная у вас игрушка, сэр. Грандиозная тачка. Но вы вряд ли решитесь рассекать во всю мощь на этой захолустной дороге.

– Конечно, иначе не заметишь, как врежешься в дерево, – соглашается владелец «суперснейка». – Но знали бы вы, как тонко она чувствует все изгибы дороги.

– Вам тоже нравится тонко чувствовать изгибы, и не только на дороге? – спрашивает Шекет.

Хвастливый придурок улавливает в его тоне насмешку и мгновенно выпрямляется. Рука угрожающе сжимает баллонный ключ.

– А ваша сучка явно не из прошлогодних моделей, – говорит Шекет, указывая на женщину.

– У вас что-то с мозгами? – спрашивает владелец «суперснейка».

Он высокий и крепко сбитый. Похож на футбольного полузащитника. Руки накачанные; видимо, пауэрлифтингом занимается. Такого не испугаешь. Он сам кого хочешь испугает одним лишь хмурым взглядом.

– Нет, сэр, с мозгами у меня все в порядке, – отвечает Шекет. Низко нависшее небо. Ни ветерка. Ни звука приближающейся машины. Если что, Шекет услышит ее на полминуты, а то и на минуту раньше, чем машина появится в поле зрения. – Такая аппетитная задница, как у нее, излечивает все мозговые нарушения. И не только мозговые, – улыбается

Шекет.

– Джастин, садись в машину, – велит этой суке придурок, а сам делает шаг в сторону Шекета.

Его лицо похоже на кувалду. Он уверен в своей силе. И ключ он держит так, словно намерен раскроить Шекету череп.

Женщина остается стоять, словно парализованная. Может, ей просто любопытно и она не думает об опасности, поскольку у нее такой сильный и уверенный дружок. Сейчас он проучит этого наглеца.

Словно предвестники грядущей беды, высоко над ними пролетают три ворона. Летят молча, только ветер свистит под крыльями. Все указывает на нечто значимое.

Сунув руку под спортивную куртку, Шекет выхватывает свой «Хеклер и Кох» 38-го калибра, заряженный разрывными пулями, подходит к мускулисту полузащитнику и всаживает в него четыре пули.

Это вышибает Джастин из оцепенения. Она кричит. Чем-то она похожа на молодую Джейми Ли Кёртис, «королеву крика» Сьерра-Невады. Повернувшись, она бросается прочь, мелькая длинными стройными ногами.

Ее бравый парень падает и скатывается с обочины в траву. Его мышц как не бывало. Мешок мешком.

Вот что значит быть хозяином положения, ощущать свою силу, бесстрашие и неуязвимость. Шекет чувствует себя изменившимся. Он и сейчас еще продолжает меняться, быстро

преображаясь в совершенно нового человека. Или сверхчеловека.

Джастин бежит посередине шоссе, надеясь, что ей попадет легковая машина или грузовик.

Вместо кроссовок или другой практичной обуви на ногах этой суки сандалии на среднем каблуке. Она спотыкается: один раз, другой. Одна сандалия болтается на ноге, мешая бежать.

Смеясь над ее лихорадочными и тщетными попытками спастись, Шекет гонится за ней.

Перед ним в воздухе покачивается черное перо, сброшенное пролетающей вороной. Шекет хватается за перо и прячет в карман этот символ смерти, подаренный ему как знак его новой силы, как признание его права решать, кому жить, а кому умирать и с какой мерой страданий. Сейчас все видится ему знамением, все полно смысла и значимости.

Он убирает пистолет в кобуру, догоняет женщину, хватается за длинные волосы и сильно дергает. Джастин теряет равновесие и падает на асфальт. Шекет ударяет ее, вгоняя в оцепенение и лишая воли к сопротивлению. Джастин обмякает.

Ее мертвый дружок только выглядел сильным. Шекет ощущает себя сильным. Он легко, словно перышко, подхватывает Джастин с асфальта, перекидывает через плечо и несет к обочине, где бросает, поддав ногой. Она скатывается вниз по склону.

Опьяненный своей властью и желанием, он спускается

вниз и наваливается на женщину, не давая ей встать. Он при-
давливает ее к траве. Оправившись после удара, Джастин из-
вивается под ним. Но исход этого поединка предreshен заране-
е, поскольку она газель, а он – лев. Она муха, а он – паук.

Сверху слышится рокот мотора приближающегося грузо-
вика. В траве, на двадцать футов ниже уровня дороги, их
никто не увидит. Да и вряд ли водитель грузовика слышал
вопли Джастин. Шекет сжимает ей подбородок, заставляя
закрыть рот. Ее голова запрокидывается, красивая шея вы-
гибается, и крик замирает в горле.

Быть может, две машины на пустой дороге – одна за дру-
гой – и вызовут любопытство у водителя грузовика. Но по-
скольку в салонах никого нет и никто не стоит посередине
шоссе, призывая на помощь, вряд ли он станет останавли-
ваться и доискиваться причины. По сути, в нынешнее безза-
конное и опасное время разумный человек проедет мимо и
не будет вступать на свою голову.

Судя по звуку двигателя, грузовик сбавляет ход. У Джа-
стин снова вспыхивает надежда на спасение. Она пихается
и извивается под Шекетом, пытается закричать сквозь стис-
нутые зубы. Он еще сильнее сдавливает ей подбородок. Ее
напряженное гибкое тело так и стремится вывернуться, но
напрасно. Джастин являет собой полную беспомощность, он
– абсолютную силу. И хотя оба они одеты, Шекет переживает
самый эротичный момент своей жизни и впадает в неистов-
ство.

Надежды Джастин тщетны. Грузовик уезжает, звук его мотора затихает. Джастин перестает сопротивляться и больше не пытается кричать. Их обступает тишина, более пронзительная, чем прежде. Ни стрекота насекомых, ни птичьего щебетания, словно все, кто обитает здесь, почувствовали появление уникального существа, пришедшего в мир. Того, кто изменился и продолжает меняться, для кого не существует ни человеческих законов, ни законов природы, кто ничего не боится, но кого должны бояться все.

Он убирает руку с подбородка Джастин, надеясь, что теперь, когда никто не слышит, она снова закричит, уже для него одного.

Она смотрит на него широко распахнутыми синими глазами. Ее ноздри раздуты. Она тяжело дышит и произносит одно слово:

– Пожалуйста.

Шекету это нравится: само слово, жалостливые интонации ее голоса и признание его абсолютной власти над ней.

– Повтори.

– Пожалуйста. Пожалуйста, не делайте мне больно.

Шекет намеревался ее изнасиловать. Но вместо этого, к их обоюдному удивлению, он ее кусает. Джастин кричит. Он снова кусает, испытывая удивительное ощущение. Шекет ликует. Ничто в его прежней жизни не доставляло ему столько удовольствия.

Ее ужас приводит его в экстаз.

Вуди у себя в комнате. За компьютером. Восстанавливает справедливость.

Ему сказали, что его ай-кью равен 186. Способность к осмысленному чтению достигает 160 слов в минуту. Если из 186 вычесть 160, получится количество букв в английском алфавите.

Он родился 26 июля, ровно в четыре часа утра. Июль – седьмой месяц. Если двадцать шесть умножить на семь, получишь 182. А если к этому прибавить четыре – время его рождения, – получится 186, его ай-кью.

Сегодня среда. Отец Вуди погиб в среду. Со дня гибели прошло ровно 164 недели. Вуди начал работать над «Сыновней мезтью: добросовестно собранными доказательствами чудовищных злодеяний» во вторую годовщину отцовской гибели. Это было шестьдесят недель назад. Уже в то время его хакерские навыки достигли такого совершенства, что никакая система безопасности, никакая цифровая защита не могли его остановить. Если из 164 вычесть 60, получится 104 – число страниц в документе, на основании которого должны осудить убийц его отца.

Ни одно из этих чисел – от его ай-кью и скорости чтения до количества страниц в досье – не имеет какого-либо практического смысла. Это просто математические совпадения,

а может, паттерны, указывающие на систему алгоритмов, лежащих в основе жизни Вселенной. Но и в этом случае они настолько глубоко вплетены в матрицу реальности, что превосходят человеческое понимание.

Однако разум Вуди устроен так, что он постоянно наталкивался на подобные совпадения или таинственные паттерны.

Этот ментальный пунктик, это умение распознавать скрытые паттерны помогали ему проходить через все уровни Интернета, начиная со Всемирной Паутины, которой пользовался каждый, до архивов, спрятанных в глубинах сети, и опасных закоулков Темной Паутины.

Интернет для Вуди был чем-то вроде планеты, где каждый сайт представлялся ему деревней или городом со своими улицами и пригородами. Его путешествия по этой планете были сродни магии: он набирал на клавиатуре заклинание и одним щелчком переносился с континента на континент.

Он сумел открыть задние двери многочисленных компьютерных систем и установить там руткиты. Это позволяло ему часто навещать туда и шерстить их архивы на таком глубоком и скрытом уровне, что даже лучшие айтишники, отвечавшие за безопасность, не могли обнаружить его присутствие.

На случай, если кто-то все же засечет его поиски, он никогда не навещал такие места напрямую из Пайнхейвена, а действовал через многочисленные прокси-серверы и исполь-

зовал другие способы маскировки, делавшие его практически неуязвимым.

Напряженная работа Вуди продолжалась год с небольшим. Данных, которые он добыл и скопировал из разных сверхсекретных источников, набралось на внушительное досье. Если такую работу поручить специальному совету при генеральном прокуроре Соединенных Штатов и дать ему в помощь целый отряд следователей, они бы не справились и за десять лет. Когда ты высокоорганизованный гений-аутист, твоя особенность, выражающаяся в способности длительное время сосредотачиваться на банальных фактах, оказывается большим преимуществом.

Первое, с чего он начал, было отцовское недовольство своим боссом, мультимиллиардером Дорианом Перселлом. Вуди подслушал разговор родителей. Отец говорил о комплексе мессии у Перселла и о своем желании уволиться, как только он станет владельцем пакета акций. «Я должен сделать это, прежде чем придется поддерживать безумные амбиции Дориана».

Проникнув однажды в компьютерную систему «Парабола инкорпорейтед» – главную компанию обширной империи Перселла, Вуди нашел доступ к электронной почте и телефонным справочникам Дориана. Так он узнал о круге людей и стал собирать данные о них. Их были сотни. Их имена и электронные адреса значились в справочниках друг друга. Но только шестнадцать имели контакт с неким Гордиусом.

Это имя заинтриговало Вуди.

Когда ты самоучка, научившийся читать в четыре года, а в семь уже читавший на уровне студента колледжа, когда ты аутист-интроверт, которому не надо каждый день по много часов общаться с людьми и отвлекаться на разные пустячные дела, у тебя масса свободного времени. Самым приятным способом заполнения этого времени была учеба. Интересы Вуди простирались в разных направлениях, одним из которых была классическая мифология.

Вуди знал, что у древних греков это имя произносилось по-другому – Гордий. Гордий был крестьянином. Впоследствии он стал царем Фригии. Гордий прославился тем, что завязал невероятно хитрый узел, развязать который не мог никто. Когда Александр Македонский узнал, что тот, кто разгадает загадку узла, будет владычествовать над всей Азией, он попросту разрубил узел мечом.

Человека, фигурировавшего в шестнадцати адресных книгах, звали Александр Гордиус. Казалось бы, просто имя в длинном списке других имен. Но это если не обладать уникальным складом ума, какой был у Вуди. Ему показалось странным, что в имени и фамилии соединились имена создателя Гордиева узла и полководца, решившего загадку взмахом меча.

Для Вуди такое сочетание указывало на вымышленную личность, за которой кто-то скрывался.

Ему захотелось побольше разузнать об этом мистере Гор-

диусе. Проникнув на сервер провайдера, обслуживающего аккаунт, он узнал, что биллинговый лицевой счет Александра Гордиуса оплачивается компанией с неограниченной ответственностью, находящейся в Калифорнии. Этой компанией владела корпорация с ограниченной ответственностью. Та находилась в Делавере... И Вуди двинулся дальше по цифровому лабиринту.

Через несколько дней он уже знал, что все из внушительного числа разных компаний и корпораций, за которыми скрывался Гордиус, были так или иначе связаны с «Рефайн инкорпорейтед», а ею владела «Парабола инкорпорейтед». Постепенно Вуди добрался до сервера компьютерной системы «Рефайн». Попав туда, он нашел и просмотрел электронную почту Александра Гордиуса и узнал, что под этим именем и фамилией скрывается не кто иной, как Дориан Перселл.

Шестнадцать человек были его узким кругом, его элитой. Им Перселл отправлял послания, перечисляя серьезные проблемы, стоящие перед человечеством, и предлагая решения. Зачастую противоречивые. Послания охватывали все стороны жизни: от перенаселенности до снижения численности населения, от глобального потепления до глобального похолодания, от использования ядерной энергии до солнечных электростанций, занимающих миллионы акров. Помимо этого, Перселлом предлагались направления в лечении рака и возможные способы значительно повысить продолжитель-

ность человеческой жизни.

Некоторые предложения Перселла были толковыми, продуманными и даже осуществимыми. Однако большинство представляло собой дилетантскую помпезную чепуху. Он разбирался в компьютерах, полупроводниковой технологии и смежных отраслях, но считал себя экспертом во всем. Хотя Вуди приобрел обширные и разносторонние познания, он прекрасно понимал: есть области науки, в которых он ничего не смыслит и вряд ли будет смыслить потом. Изучить все времени не хватит. Вуди знал, чего он не знает, тогда как Дориан Перселл не признавал своих пробелов.

Адресная книга в электронной почте Александра Гордиуса содержала шестнадцать уже известных Вуди адресов. Помимо них, там значились еще три очень длинных адреса, состоящих не из имен, а из случайного набора букв, цифр и символов. Вуди понял: должно быть, под этой абракадаброй скрываются адреса сайтов Темной Паутины. Адреса тщательно охранялись, и проникнуть на сайты было проще всего через знакомый аккаунт, не вызывающий подозрений. Возможно, на этих сайтах торговали наркотиками или детской порнографией. А может, там велась незаконная торговля оружием и нелегальные дилеры предлагали пулеметы, пластическую взрывчатку С-4 или портативные ракетные установки класса «земля – воздух».

Вуди несколько дней подряд решал, посещать ли ему эти сайты. Что-то его не пускало.

Наконец он решил проверить адрес, состоявший из сорока шести знаков, и зашел туда якобы от имени Александра Гордиуса.

На черном экране его монитора высветились крупные белые буквы: «ТРАГЕДИЯ».

Надпись сменилась отрывками из национальных и местных выпусков теленовостей. Это длилось три или четыре минуты. Мелькали фотографии погибших людей, видеокадры разбившихся самолетов, покореженных автомобилей, горящих зданий. К местам катастроф спешили машины «скорой помощи» с мигалками на крышах. Угрюмые полицейские и такие же угрюмые врачи в белых халатах давали интервью. Столь же угрюмо звучали и закадровые голоса дикторов и официальных лиц: «Погиб в быстро распространившемся пожаре, который вспыхнул из-за обширной утечки газа и последовавшего взрыва... покончил жизнь самоубийством, повесившись на потолочной балке сарая... стал жертвой несчастного случая... был сбит водителем, скрывшимся с места происшествия... попал под обстрел из движущегося автомобиля; предполагаемым виновником был член одной из гангстерских шак, наводнивших город... убийство, замаскированное под самоубийство, всколыхнуло этот благопристойный, населенный состоятельными людьми пригород... обширный инфаркт, неожиданно произошедший в тридцать восемь лет... одна из трех жертв происшествия, которое полиция считает террористическим актом, хотя по-

ка еще никто не взял на себя ответственность за случившееся...»

Когда на экране мелькнула фотография Джейсона Букмена, это настолько ошеломило Вуди, что он услышал лишь последние слова диктора: «...погибли при падении вертолета, принадлежавшего компании».

Лицо отца сменили лица жертв других трагедий. Затем экран вновь стал черным, и на нем высветились белые буквы: «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ».

Поскольку Вуди не был покупателем кровавых услуг, предлагавшихся на сайте, никакого пароля у него не было.

Вуди покинул сайт.

Он долго сидел, глядя в погасший экран компьютера. Может, час. Или два. Сидел и думал.

Потом, приготовив ручку и блокнот, он вновь вошел в аккаунт Александра Гордиуса и ввел все тот же адрес из сорока шести букв.

«ТРАГЕДИЯ».

Экран вновь показывал подборку фото- и видеоклипов, сопровождаемых пояснениями. Вуди торопливо записывал имена и фамилии жертв.

На этот раз отцовское фото не застало его врасплох. Вслед за снимком показали видео дымящихся обломков вертолета. «Джейсон Букмен – правая рука основателя „Параболы“ Дориана Перселла, а также пилот, с которым он летел, сегодня погибли при падении вертолета, принадлежавшего ком-

пании».

В конце от Вуди снова потребовали ввести пароль.

Вуди покинул этот сайт в Темной Паутине, затем покинул компьютерную систему, где хранилась электронная переписка Александра Гордиуса, и через лабиринт прокси-серверов вернулся в тихий Пайнхейвен, домой, в свою комнату, после чего выключил компьютер.

Это было несколько месяцев назад. С тех пор Вуди неутомимо исследовал обстоятельства сорок одной смерти, о которых говорилось в рекламной заставке сайта «Трагедия».

Если часть происшествий и вызвала подозрения властей, никаких сведений о расследованиях не было.

Все упомянутые случаи самоубийств были именно так и квалифицированы местными судмедэкспертами.

Никто из членов преступных группировок и предполагаемых исполнителей терактов не был арестован.

Возможно, паттерны, общие для всех этих трагедий, были видны лишь высокоорганизованному аутисту с ай-кью в 186 баллов, заикленному на поисках разгадки и имевшему тысячи часов свободного времени для расследований. Из сорока одной смерти только две были так или иначе связаны с Дорианом Перселлом.

Это означало, что Перселл не единственный пользователь сайта «Трагедии».

Сам сайт был посвящен отнюдь не напоминанию о том, насколько хрупка человеческая жизнь. Он не являл собой

интернет-версию «стены плача», где каждый мог посетовать на роль трагедии в жизни человечества.

Неделю за неделей, месяц за месяцем Вуди собирал косвенные доказательства того, что «Трагедия» – это компания по исполнению заказных убийств.

Вуди осторожничал и больше не посещал сайт «Трагедии», боясь, что тамошняя служба безопасности засечет повторяющиеся входы, не оканчивающиеся вводом пароля. Он рылся в архиве электронной переписки Дориана Перселла, входя туда под собственным именем миллиардера и под личиной Гордиуса. Но нигде ему не встретилось ни одного пароля, имевшего отношение к «Трагедии».

Сегодня была знаменательная среда: ровно 164 недели со дня гибели Джейсона Букмена и шестьдесят недель с тех пор, как Вудро Букмен начал свое расследование. Вычитание шестидесяти из ста шестидесяти четырех давало количество страниц в его документе «Сыновья мести: добросовестно собранные доказательства чудовищных злодеяний», хотя он и не собирался достичь такого числа. Просто совпадение или следствие таинственных алгоритмов, на основании которых функционировала Вселенная.

Свое расследование Вуди собирался еще утром отдать матери. Однако сначала он хотел убедиться, что зловещий сайт по-прежнему существует вместе со вступительным видео.

Как и прежде, он поменял несколько прокси-серверов, пока не достиг сервера корпорации «Рефайн», где у него име-

лась «задняя дверь». Войдя в аккаунт Александра Гордиуса, он ввел сорок шесть знаков адреса на Темной Паутине.

Знакомые белые буквы на черном экране: «ТРАГЕДИЯ».

При виде отцовского лица его глаза наполнились слезами.

По большей части Вуди удавалось прятать свое горе от матери. Если же она заставала сына в слезах, Вуди улыбался и даже смеялся. На ее вопрос, плачет ли он от радости, он утвердительно кивал.

От материнских слез Вуди становилось не по себе, поскольку он сознавал: мама плачет вовсе не от радости и нужно как-то ее успокоить. Но он был тем, кем был, – Вуди Недоразумением и сделать ничего не мог. Его замешательство лишь нарастало, все сильнее подавляя его. Вуди не хотел, чтобы его слезы угнетающе действовали на маму.

Видео окончилось. На экране появилось знакомое требование: «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ».

Вуди смотрел на два слова и думал, сколько нужно заплатить, чтобы кого-то убили по твоему заказу и это выглядело бы как несчастный случай, самоубийство или террористическая атака. Своих денег у него вообще не было. Все, что ему требовалось, покупала мама. Он не мог попросить ее заплатить за гибель Дориана Перселла, который погибнет под колесами грузовика или случайно упадет на длинном марше лестницы. За это можно угодить в тюрьму, чего его маме совсем не хотелось.

Вуди не отказался бы сам отправиться в тюрьму. Он не

возражал против одиночной камеры, где можно читать и думать. Но никто не сажал в тюрьму одиннадцатилетних мальчишек. И потом, наемные убийцы «Трагедии» не убьют Перселла и за многие миллиарды долларов. Как догадывался Вуди, компания заказных убийств обслуживала исключительно плохих людей, которым во что бы то ни стало требовалось погубить хороших. Будь все наоборот и создатели компании ждали бы, пока хорошие люди заплатят за гибель плохих, они бы не набрали столько заказчиков. Хорошие люди не решали свои проблемы подобным образом, потому-то плохие и могли так долго оставаться плохими и творить разные злодеяния.

Быть может, Вуди и дальше смотрел бы на слова «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ», продолжая размышлять о добре и зле, но случилось нечто неожиданное и тревожное. Два слова исчезли с экрана и через несколько секунд на нем появились два других: «ОПЯТЬ ТЫ».

19

Роза Леон все так же сидела в кабинете покойной хозяйки дома над озером и смотрела видео, где Дороти Хаммел подробно рассказывала о чудесном времени, которое она проводила в обществе Киппа. Теперь и кабинет, и дом принадлежали Розе. Она еще не оправилась от потрясения. Шутка ли, она стала наследницей прекрасного особняка и внуши-

тельной суммы денег. Но сейчас ее больше занимало то, что рассказывала с экрана Дороти.

Глядя в объектив камеры, Дороти сообщила, что купила Киппа у заводчика. Щенку тогда было четыре месяца от роду. Быстро растущий комочек меха, жизнерадостный и любопытный. У Дороти и до него были собаки, все золотистые ретриверы. Каждая попадала к ней в щенячьем возрасте, а потому она хорошо знала повадки щенят. Через несколько дней Дороти убедилась, что Кипп совсем не похож на тех щенят.

Она кормила его дважды в день: в семь часов утра и днем, в половине четвертого. Уже на третий день Кипп стал прибегать к Дороти за пять минут до кормления. Он садился перед ней и передней лапой деликатно постукивал ее по ноге. Дороти рассказывала, что у нее и прежде были собаки с интуитивным чувством времени, но маленький Кипп, прожив в ее доме всего неделю, превзошел их. В тот день, поглощенная чтением романа, она с ногами устроилась в кресле. Кипп не постукивал по ножке кресла и не лаял. Он бегал взад-вперед. Поскольку Дороти не замечала его нетерпения, он побежал на кухню, вскочил на стул, достал ее ручные часы, принес ей и опустил на колени.

Дороти спохватилась, что чуть не пропустила время кормления. Она встала с кресла, и тут Кипп ее снова удивил. Дороти посмотрела на него и поймала ответный собачий взгляд. «Что ты об этом думаешь?» – спрашивал Кипп.

Дороти привыкла разговаривать с собаками так, словно те ее понимали, и потому она на полном серьезе спросила Киппа, знает ли он назначение часов. В ответ Кипп устремился из гостиной в коридор. Дороти пошла следом. Кипп подвел ее к напольным часам, стоявшим в вестибюле дома. Итак, он понимал сходство между ручными и напольными часами. Повернувшись, Кипп снова побежал в кухню. Дороти пошла за ним и увидела, что щенок стоит у двери кладовой, глядя на настенные часы.

Схватив с кухонного стола свой айфон, Дороти сделала видео, которое затем перебрала на компьютер. Его-то сейчас и смотрела Роза. Дороти попросила Киппа показать холодильник, и щенок подбежал к нему. Потом по ее просьбе – к раковине. Дороти спрашивала, где находится варочная панель, задняя дверь, уплотнитель мусора, дверь в коридор и дверь в прачечную. Кипп неумоимо показывал, не переставая вилять хвостом.

На следующий день Дороти купила видеокамеру.

И тут Кипп словно передумал раскрывать свои необычные способности. Он отказался повторять недавние трюки. На все уговоры хозяйки он отвечал зевками, удивленно таращил глаза, а то и вовсе пристраивался в уголке и засыпал.

Однако еще через две недели Кипп понял, что он любит слушать романы. Дальше играть в туповатого щенка он не мог.

«ОПЯТЬ ТЫ».

Вуди смотрел на эту зловещую фразу. Его рот наполнился слюной. Казалось, его сейчас вытошнит. У него громко колотилось сердце. Буква «О» в слове «опять» была похожа на глаз, в упор глядящий на него.

Конечно, увидеть его не мог никто. Об этом он позаботился, заклеив бумажным скотчем камеру компьютера. К тому же на сайт «Трагедии» он вошел через многочисленные прокси-серверы и пробыл там недолго. Никакие айтишники не смогли бы за столь короткое время вычислить его местонахождение.

Потом эти слова мигнули и начали сменяться другими, словно кто-то выстукивал ему послание: «Т-Ы Н-Е...»

Вуди с нарастающим ужасом следил, как буквы складываются во фразу: «ТЫ НЕ АЛЕКСАНДР ГОРДИУС».

Они никак не могли установить все прокси-серверы, через которые он добирался до их сайта. И узнать, откуда он, так быстро они тоже не могли. Но они знали, чей аккаунт он взломал, чтобы попасть к ним.

Послание задрожало и исчезло. Следующая фраза содержала всего три слова: «МЫ ТЕБЯ НАЙДЕМ».

Вуди поспешил убраться с сайта, отключил Интернет и выключил компьютер. Этому ему показалось мало. Тогда он

откатил кресло, полез под стол и отсоединил все кабели от системного ящика. Такая мера предосторожности была абсолютно бесцельной и бессмысленной.

Значит, «Трагедия» имела свою программу безопасности и та отслеживала каждого посетителя сайта. Если кто-то заходил на сайт, но не вводил пароль, программа поднимала тревогу, заподозрив возможный фишинг со стороны тех, кто не значился в списке клиентуры. До этого Вуди дважды заходил на сайт «Трагедии». И пусть это было несколько месяцев назад, система безопасности поджидала его.

Хорошо.

Не теряй рассудительности. Не парься. Никаких проблем. Фига им с жирным куском масла. За столь короткое время им было не выследить его через девять прокси-серверов. И потом, он использовал и другие уловки для заметания следов. Больше он никогда и ни за что не сунется на этот сайт. Честное-пречестное.

Лоб Вуди покрылся испариной. Изнутри поднималась тошнота. Нужно чем-то успокоить желудок. стакан кока-колы. Это все, что ему нужно. Большой стакан кока-колы, и он придет в норму.

21

Кипп находился во владениях Ненавистника.

У того было имя, вышитое на кармане форменной рубаш-

ки. Ненавистника звали Фрэнком.

У него были черные усы и густые брови, которых хватило бы на вторую пару усов.

От Фрэнка пахло не только ненавистью, но также чесноком, лосьоном после бритья с ароматом вербены, дезинфицирующим средством для рук с запахом кокоса, дезодорантом и гигиенической губной помадой.

От его башмаков исходил свежий запах мочи. Должно быть, недавно справлял малую нужду и попал себе на ноги.

Помимо металлического письменного стола, двух стульев для посетителей, офисного кресла и шкафов с документами, часть пространства хижины занимала скульптура медведя-гризли.

Она была вырезана из дерева. Семифутовый медведь стоял на задних лапах, вытянув передние и оскалив зубы.

Мишка выглядел настолько свирепым, что Кипп даже заскулил, хотя и знал, что деревянный зверюга его не тронет.

Опасаясь, как бы гризли ненароком не опрокинулся, придавив кого-нибудь из посетителей, в его спину вделали два металлических прута и прикрепили к стене.

Поводок Киппа Фрэнк Ненавистник привязал к одному из прутьев.

Притворяясь покорным, Кипп улегся возле лап медведя и вздохнул, демонстрируя покорность судьбе.

На самом деле он терпеливо ждал возможности сбежать. Собаки были самые терпеливые существа на планете. Их

жизнь проходила в ожидании. Собаки ждали, когда хозяйева поведут их гулять, найдут время поиграть с ними и обнимут.

Но какими бы внимательными ни были люди, бóльшая часть собачьего времени уходила на ожидание, а не на действия.

Собак это вполне устраивало. Люди были вечно чем-то заняты. Такого количества дел собакам и не снилось, хотя бывали исключения.

Фрэнк Ненавистник плюхнулся в кресло, снял телефонную трубку и стал тыкать в кнопки аппарата, набирая номер.

Когда ему ответили, Ненавистник сказал:

– Фред, я добыл нам хороший экземпляр. Золотистый. Возможно, чистопородный. Выглядит как пес с выставки.

Выслушав то, что ему говорил Фред, Фрэнк продолжил:

– Даже красть ни у кого не потребовалось. Он бродячий. «Я не бродячий, – подумал Кипп. – Я сирота, выполняющая миссию».

– Если скрестить его с каждой золотистой сукой, какую мы сумеем найти, это будет все равно что печатный станок для денег. – Фред о чем-то спросил. – Нет, он покладистый. Будет себе жить в клетке и делать то, что скажут. Заглянешь ко мне через часик?

Ненавистник повесил трубку и посмотрел на Киппа. Теперь от него пахло еще и алчностью.

– Мой братец будет скрещивать тебя, приятель, пока ты не упадешь от усталости. Не самая плохая жизнь. Есть гораздо

худшие варианты.

Братья владели «щенячьей фабрикой».

Племенные собаки на таких фабриках проводили всю жизнь в тесных клетках. Кормили их плохо. Выгуливали редко, а то и вовсе не утруждали себя выгулом. Никаких ветеринаров. Этим несчастных собак никогда не мыли, отчего их шерсть теряла блеск, а тело покрывалось блохами.

Собаки на «щенячьих фабриках» пребывали в отчаянии. С ними никто не играл, их никто не гладил. Они знали лишь жестокое обращение.

Кипп не выказал беспокойства. Он зевнул, закрыл глаза, будто собирался вздремнуть.

Похоже, наступало время, когда протоколы Мистериума позволят ему укусить Фрэнка Ненавистника.

22

Розе Леон нужно было выпить. Спиртное она употребляла нечасто, иногда позволяя себе бутылочку холодной «Короны». Но сегодня, когда она за один день превратилась из сиделки в миллионершу и опекуншу сверхсообразительного пса, ей требовалось нечто покрепче пива.

Дороти любила побаловать себя вечером одной-двумя порциями коктейля. В кабинете, под рабочим столом, у нее был холодильник и устройство для приготовления льда. В холодильнике среди прочего нашлась бутылка водки с аро-

матом лимона.

Роза отыскала бокал, накрошила туда льда и налила двойную порцию. Потом вернулась в вертящееся кресло и продолжила смотреть удивительные видео.

После памятного дня, когда Кипп показал, что понимает назначение часов, когда пес безошибочно подбегал ко всем предметам и местам, называемым Дороти, он целых две недели изображал туповатого щенка. Его беспокоила собственная поспешность. Нельзя было, едва появившись в доме Дороти, показывать свою истинную природу. Возможно, этого вообще не следовало делать.

В Мистериуме не существовало единого мнения насчет того, кому и когда следует показывать, кто ты есть на самом деле. Протоколы запрещали раскрываться перед людьми, от которых пахло ненавистью. Сообщать свою тайну позволялось лишь тем, кто пах добротой и любовью без малейшей примеси зависти или жадности.

Дороти, несомненно, обладала всеми необходимыми качествами, однако юный Кипп поспешил, устроив трюк с часами и всем остальным. По опыту членов Мистериума людей нужно было тщательно готовить к такому откровению. Лучше, если у самих людей возникнет подозрение (опять-таки не сразу), что их собака – нечто большее, чем просто собака.

Любовь к историям помешала Киппу сохранить свой секрет на несколько месяцев или даже лет. Дороти и ее муж Артур были заядлыми любителями чтения. Книги явля-

лись главным украшением их дома, где убранство комнат определялось книжными стеллажами. Когда Дороти готовила еду или собирала большую картину из своих любимых пазлов, вместо музыки она слушала аудиокниги. Кипп не мог скрыть, что голос чтеца его зачаровывает. В какой бы позе он ни находился – сидя или лежа, – его глаза были неизменно устремлены на mp3-проигрыватель. Если звучала аудиокнига, он никогда не засыпал. Дороти украдкой наблюдала за ним и видела, как живо пес реагирует на неожиданные повороты сюжета. Некоторые эмоциональные сцены заставляли его тяжело дышать, скулить или, наоборот, ободряюще взвизгивать, что вполне соответствовало характеру повествования.

В один из декабрьских дней, готовя угощение к приближавшемуся Рождеству, Дороти слушала аудиозапись «Рождественской песни» Чарльза Диккенса. Чтец воспроизводил строфу «Последний из Духов», где Дух будущего Рождества переносит Скруджа в дом Крэтчита и показывает ему смерть Крошки Тима. Кипп ушел в дальний угол кухни и сел, глядя в угол и низко опустив голову. Дороти немного понаблюдала за ним, после чего остановила запись и спросила, не грустно ли ему. Кипп обернулся, посмотрел на нее и жалобно заскулил.

Слушая рассказ Дороти, Роза вспоминала, как сама была зачарована «Рождественской песнью». Она ничуть не сомневалась в правдивости слов покойной хозяйки. Дороти от-

личалась ясностью сознания и не была склонна ко лжи. Роза стала вспоминать свое общение с Киппом. Порой его поведение отличалось от поведения среднестатистической собаки. Иногда он соображал настолько быстро, что это даже немного пугало Розу. Интуиция подсказывала ей: странности Киппа граничат с чудом. Однако тяжелая жизнь научила ее не думать ни о какой магии в мире, а полагаться только на холодный рассудок.

Дороти продолжала рассказывать, улыбаясь во весь рот и покачивая головой: «И тогда я рассказала ему, что Дух будущего Рождества показывал Скруджу события, которые лишь могут произойти, но не обязательно произойдут. Я поставила проигрыватель на пол и уверила Киппа, что Крошка Тим не умрет, но окончание повести он услышит только в том случае, если перестанет притворяться обыкновенным псом.

Кипп подбежал к проигрывателю, встал над ним и пристально смотрел, отчаянно виляя хвостом. Я включила продолжение. Кипп прослушал всю запись, не шевельнувшись. Тем же вечером я набросала довольно примитивную схему лазерной указки с педальным управлением. Впоследствии я ее совершенствовала. Кипп мог высвечивать буквы алфавита и таким образом общаться со мной. Должна вам признаться, Роза, я чувствовала себя заколдованным ребенком или какой-нибудь малышкой из фильма Спилберга. И в то же время я задавала себе вопрос: не схожу ли я с ума? Старуха, у которой поехала крыша, отчего ей мерещится черт те что.

Но если у меня и поехала крыша, то лишь в сторону фантастической правды об истинной природе Киппа».

23

Деревянный гризли был тупицей. Может, бурые и черные медведи, бродящие по калифорнийским горам, и умели соображать, но только не гризли.

Тогда какой смысл держать в хижине скульптуру этого тупицы?

Чтобы пугать постояльцев и отбивать у них желание останавливаться в этом кемпинге?

Хотя люди жили рядом с собаками тысячи лет, многое из того, что делали люди, не переставало удивлять Киппа. Громадный деревянный гризли вызывал у него такое же недоумение, как абстрактная живопись или кольца в человеческих носах.

Хуже гризли было то, что сюда ехал Фред – брат Фрэнка Ненавистника и, скорее всего, тоже Ненавистник.

Даже высокоинтеллектуальному псу нелегко убежать из тесной клетки на «щенячьей фабрике» и спастись от цепного рабства.

Поводок, привязавший Киппа к деревянному медведю, был длиной в восемь или даже десять футов. Киппу удалось повернуться и впиться в поводок зубами.

Материал поводка был жестким, но его зубы вполне вы-

держат. Он стал тянуть за поводок и отчаянно жевать его.

– Что ты там еще выдумал? – рявкнул с кресла Фрэнк Ненавистник.

Умей Кипп говорить, он бы все равно не перестал жевать поводок, чтобы объяснить Фрэнку свою потребность в освобождении.

Если Фрэнк задал не риторический вопрос, он был еще глупее, чем выглядел.

– Напрасно стараешься, пес. Я умею обходиться с твоей породой.

Его зеленые глаза под кустистыми бровями сердито сверкнули. Ненавистник встал из-за стола.

Кипп зарычал, но продолжал грызть поводок.

Когда Ненавистник попытался схватить его за ошейник, Кипп повернулся к нему мордой и зарычал еще свирепее, грызя ненавистный поводок.

– Запру-ка я тебя в сортире. Посидишь там, пока Фред не подъедет.

Фрэнк Ненавистник потянулся, чтобы отвязать поводок от железного прута.

Кипп выпустил поводок из пасти и прыгнул на Фрэнка. Он не собирался кусать его, а просто хотел напугать.

Фрэнк попятился. К его запаху ненависти добавился запах злости.

Он выпростал брючный ремень, сжал его кончик в правом кулаке, оставив пряжку угрожающе покачиваться.

– Сейчас я тебя проучу, – пообещал Фрэнк Ненавистник и взмахнул ремнем.

Пряжка просвистела мимо Киппа и ударилась в деревянного медведя.

– А ну ложись! – приказал Фрэнк.

Кипп и не подумал лечь. Он зарычал и оскалил зубы.

– Ложись! Ложись, черт тебя подери! – потребовал Ненавистник.

В этот момент дверь хижины распахнулась и вошел какой-то человек.

– Эй, остановитесь! Что вы делаете?

– Не приближайтесь, – предостерег незнакомца Фрэнк Ненавистник. – Поймал вот бродячего пса. Успел одичать.

Кипп завилял хвостом, жалобно заскулил, пустив в ход весь свой артистизм, и съежился перед поднятым кулаком Ненавистника.

– Не смейте бить собаку, – сказал вошедший.

Зловоние гнева Фрэнка стало еще отчетливее, поскольку теперь распространялось на Киппа и незнакомца.

– Проваливайте отсюда, пока эта тварь вас не покусала, – сказал Ненавистник. – А я с ним уж как-нибудь сам разберусь.

– Я уйду, когда заберу мою собаку, – объявил незнакомец, вставая между Киппом и Ненавистником.

– Вашу? Он же бродячий. На ошейнике – никаких отметок о регистрации.

– Это мой пес, – повторил незнакомец и стал отвязывать поводок от металлического прута.

– Черта с два.

– Только попробуйте ударить его еще раз. Тогда, да поможет мне Бог, я обхватчу этим ремнем вашу шею и так сдавлю, что у вас физиономия посинеет.

В дополнение к чесноку, лосьону для бритья, средству для рук, дезодоранту, гигиенической помаде, моче на башмаках, гневу и ненависти от Фрэнка запахло страхом с особым кислым оттенком. То был запах трусости.

– Собаки на территорию кемпинга не допускаются, – выпалил Фрэнк. – Так было всегда, и я намерен сохранить этот порядок. В мою смену я не позволю вам разместиться здесь с собакой.

– А я и не собираюсь размещаться, Фрэнк, – сказал незнакомец, прочитав имя на кармане рубашки. – Снимите бронь на имя Хокинса.

– Если вы еще не разместились, этот пес никак не может быть вашим.

Игнорируя Ненавистника, незнакомец улыбнулся Киппу.

– Идем, приятель. Нечего нам делать на этой свалке.

Когда спаситель Киппа открывал дверь, Фрэнк Ненавистник сделал последнюю попытку утвердить свою власть:

– Он не может быть вашим псом.

– Попридержите штаны, Фрэнк, пока они у вас не свалились. Я еще не обедал, так что не портите мне аппетит.

Несколько минут Роза просидела неподвижно, охваченная странной паутиной удивительных эмоций. Просмотр видео с живой Дороти обострило ее горе. И в то же время ее воодушевили кадры, где Дороти и Кипп общались с помощью алфавита на стене и лазерной указки. Печаль в ее душе каким-то новым, неизвестным ей образом соперничала с ликованием. Изумление ума и восторг сердца превратились в состояние благоговейного трепета, тяжесть которого была настолько велика, что Роза не сразу нашла в себе силы встать с кресла.

Она подошла к стене и какое-то время смотрела на алфавит. Потом присела на корточки перед механической лазерной указкой. Это устройство изготовил по наброскам Дороти местный механик Джон Кобб. Мистера Кобба удивило, зачем ей такая указка. Дороти объяснила, что указка ей нужна для обучения маленьких детей чтению и после проверки она намерена взять патент на изобретение. Эта ложь вполне удовлетворила механика. Трудно сказать, как бы он отреагировал, узнав, что странное устройство понадобилось Дороти для более тесного общения со своим псом.

Выключатель на центральной панели включал указку и запускал перемещавший ее двигатель. Сама указка располагалась на шарнирном механизме. Когда он ожил, красная точ-

ка переместилась и замерла на букве «А». Управлялась указка с помощью четырех наклонных педалей. Самая левая педаль двигала красную точку вверх, соседняя опускала вниз, третья смещала влево, а четвертая – вправо. Педали были рассчитаны на нажатие собачьими лапами, но Розина рука действовала не хуже.

Роза хорошо запомнила из видео, каким долгим и утомительным было общение посредством педальной указки. Она решила проверить это на собственном опыте, набрав ответ на вопрос, который Дороти задала Киппу: «Ты утверждаешь, что можешь общаться с собратями на расстоянии. Но как?»

Последовательно нажимая педали, Роза составляла ответ, записанный ею со слов Дороти, прозвучавших с экрана.

«ТЕЛЕПАТИЯ. НЕЧТО ПОХОЖЕЕ ЕСТЬ У ПТИЦ, ОТ ЧЕГО КАЖДЫЙ ЧЛЕН СТАИ МОЖЕТ В ОДНО И ТО ЖЕ МГНОВЕНИЕ ИЗМЕНИТЬ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛЕТА. ЭТО ЕСТЬ И У СЛОНОВ, ПРИХОДЯЩИХ ИЗДАЛЕКА К УМИРАЮЩЕМУ СОРОДИЧУ. НО ТЕЛЕПАТИЯ МИСТЕРИУМА ГОРАЗДО СИЛЬНЕЕ. МЫ НАЗЫВАЕМ ЕЕ “ПРОВОДОМ”».

Собаки общались на английском языке. Возможно, их ближайшие предки усвоили английский в генетической лаборатории, где над ними ставились опыты, или после побега. Не исключено, что собаки переняли язык от людей, которые о них заботились. Однако теперь молодые собаки получали по Проводу от старших знание английского вместе с други-

ми знаниями. Передача занимала считанные минуты и чем-то напоминала установку компьютерной программы.

Многие эксперты в области высоких технологий, подобные экстравагантному Илону Маску и менее известному Рэю Курцвейлу, мечтали о сингулярности – моменте, когда человеческий разум сольется с искусственным, знаменуя начало постчеловеческой эры. Они утверждали, что расширившийся человеческий мозг, пронизанный нейронной сетью, будет общаться с себе подобными при помощи телепатии. Если прежде преподавателям требовались годы, чтобы передать обучаемым необходимый объем теоретических и практических знаний, в сингулярности обучение станет практически мгновенным.

Мистериум достиг по меньшей мере одной цели сингулярности, не вступая в симбиоз с машинами. Собаки не знали, каким образом это происходит. Возможно, так было задумано их создателями, или телепатия оказалась непредвиденным следствием генной инженерии, усилившим собачий интеллект. Собаки просто владели телепатией и не утруждали себя раздумьями, как эта способность у них появилась.

Роза выключила механическую лазерную указку и поднялась на ноги. Где-то сейчас Кипп? Скорее всего, горюет в каком-нибудь укромном углу. Ее охватывала дрожь при мысли, что теперь она будет общаться с этим удивительным псом. Кипп горячо и преданно любил Дороти. Розу никто и никогда так не любил, да и вряд ли полюбит. Она сознавала,

как далеко ей до Дороти. Еще неизвестно, примет ли он ее и не станет ли она для него источником недовольства.

Роза подошла к окну и посмотрела на лес. Облачность превратила остаток дня в ранние сумерки. От озера поднялся туман и полз вверх, оставляя на деревьях миллионы крошечных капелек, которые блестели, отражая скудный свет. Казалось, это мчится легион духов, преследуемый концом дня.

Как уже говорилось, отец бросил Розу в раннем детстве, а потом еще и назвал «ошибкой ошибки». Мать ее не любила. Она росла, не зная не только любви, но и элементарного дружеского участия, которое научило бы ее сближаться с людьми. Поэтому сейчас она так остро воспринимала тайну Киппа и Мистериума. И не только тайну. Этим удивительным собакам приходилось сражаться с одиночеством, хотя у них и была столь мощная телепатическая связь.

Их было всего восемьдесят шесть. Совсем мало. Их наверняка тревожила неуверенность в будущем. При такой скромной численности их удивительная порода может вымереть. Новые члены Мистериума давали о себе знать по Проводу очень редко. Значит, набор генов, делающих их уникальными по сравнению со всеми остальными собаками, не передавался из поколения в поколение с легкостью других наследственных признаков. Дороти и Кипп пришли к выводу, что в его приплоде он был единственным мистерианцем.

Хотя щенок со способностями Киппа мог родиться и от

двух обычных собак, такое случалось редко. Мистерианские гены были рецессивными и у самцов, и у самок. Вследствие этого мистерианские протоколы, касавшиеся потомства, требовали составлять пары только из членов Мистериума. Но поскольку число самцов и самок не всегда бывало одинаковым, для кого-то надежда на потомство повисала в воздухе. Сейчас самцов было больше.

Росту сообщества мешали еще две причины. Во-первых, моногамия. В природе многие виды животных создавали пары на всю жизнь. Это не распространялось на собак, но Мистериум решил, что в их круге будет так. Верность, какую нечасто встретишь у людей. А во-вторых, приплод у членов Мистериума был меньше, чем у обычных собак. К тому же не все могли давать потомство по причине бесплодия или стерилизации. Трое щенят в приплоде – больше у членов Мистериума не получалось. Порой у них рождалось по одному щенку.

Перспектив найти пару у Киппа не было. И тут еще смерть Дороти. Теперь его единственной отдушиной было общение по Проводу. Несомненно, драгоценное, но недостаточное для столь общительного пса, как Кипп. По мнению Розы, он заслуживал лучшую спутницу, нежели она.

– Но сейчас, дорогой Кипп, у тебя есть только я, – вздохнув, сказала Роза.

Туман успел просочиться сквозь сосны и достиг двора за террасой, выложенной каменными плитками. Роза отправи-

лась на поиски скорбящего пса, который был больше чем пес. Сокровище, оставленное ей для заботы и сохранения. Можно сказать, ребенок, которого у нее никогда не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.